

В. Р. ВАВРИК

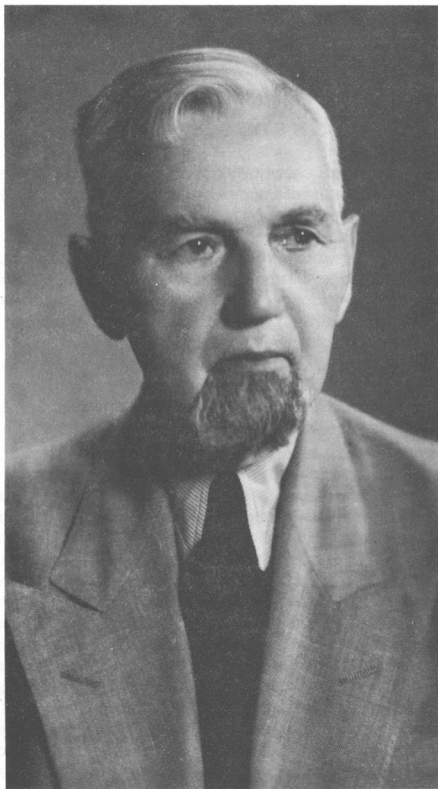
КРЕСТЬЯНЕ - ПОЭТЫ

ЛУВЕН 1973

В. Р. ВАВРИК

КРЕСТЬЯНЕ - ПОЭТЫ

ЛУВЕН 1973

ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ ВАВРИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всеми уважаемый автор книги Василий Романович ВАВРИК долгие годы уделял много внимания воспитанию молодежи и принимал живое участие в литературной самодеятельности галицко-русских народных поэтов. Он с вниманием читал стихи, исправлял их, давал указания авторам, поощрял их к работе, был учителем, к которому все обращались с полным доверием. Благодаря его руководству и практическому опыту появился ряд талантливых поэтов-крестьян, которые своими произведениями вполне могут занять определенное место в истории галицко-русской письменности.

В нашем предисловии мы считаем полезным привести краткий очерк литературной деятельности В. Р. Ваврика, искреннего друга и учителя галицко-русских крестьян-поэтов.

Василий Романович Ваврик, уроженец села Яснице Бродского уезда, родился в 1889 году в крестьянской семье. В Бродах окончил немецкую гимназию и уже на школьной скамье принимал живое участие в культурно-общественной жизни гимназической молодёжи. Свирепый 1914-ый год не позволил ему продолжать учёбу на юридическом факультете Львовского университета. Свой «народный университет» прошёл Василий Романович в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа, где сочинял стихи, посвященные подневольной жизни карпатурского народа и редактировал подпольные листовки с разоблачением лагерных жестокостей. Первые послевоенные годы посвятил пополнению своего высшего образования; в 1926 году он окончил философский факультет Карлова университета в Праге с научной степенью доктора славянской филологии. Одновременно, в студенческие годы, принимал участие в общественной жизни возрождающейся Подкарпатской Руси. Вернувшись на родину во Львов, В. Р. Ваврик был принужден поступить в Львовский университет, который и окончил в 1929 году с научной степенью доктора славянской филологии. В этом же году Василий Романович посвящает себя народной службе как писатель, как секретарь Ставропигийского Института и как научный сотрудник Галицко-рус-

ской Матицы. При Совесткой власти Василий Романович, после кратковременного занятия в Львовском университете в качестве преподавателя русского языка, поступает на работу в Исторический Музей, как старший научный сотрудник и на этом посту остается вплоть до выхода на пенсию в 1956 году.

Писательский диапазон В. Р. Ваврика обширный. Он ученый, поэт, писатель, публицист, и при всем этом горячий патриот Родины, общественный деятель.

Из научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов приведем главные: «Яков Федорович Головацкий, его деятельность и значение в галицко-русской словесности» (1925), «Львовское Ставропигийское Братство» (1926), «Львовский Ставропигион в освещении исследований И. И. Шараневича» (1927), «Денис Ив. Зубрицкий и его труды о Ставропигийском Институте» (1928), «Основные черты деятельности И. И. Шараневича» (1929), «Галицко-русская литература «Слова о полку Игореве» (1930), «Материалы, относящиеся к истории Львовского синода в 1891 году» (1931), «Старейшины и члены Ставропигийского Института» (1932), «Русская тройца (Вагилевич, Головацкий, Пашкевич)» (1933), «Жизнь и деятельность Ивана Николаевич Далибора-Вагилевича» (1934), «Слово о полку Игореве». «Литература и перевод на галицко-русское наречие» (1937), «Члены Ставропигиона за 350 лет» (1937), «Галицкая Русь Пушкину» (1937), «Школа и бурса Львовского Ставропигиона» (1938), «Суд над Гоголем» (1959).

Особое место в творчестве В. Р. Ваврика занимает мартирология карпаторусского народа в первую мировую войну 1914-1918 гг. Здесь следует отметить его сотрудничество при издании «Талергофского Альманаха» (Львов, 1924-1934) и при его переиздании «Военные преступления Габсбургской монархии» П. С. Гардым (США, 1964); затем его монографии «Талергоф» (1934) и «Терезин и Талергоф» — «к 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа» (1966); кроме того ряд отдельных произведений по этой тематике в художественной обработке, как: повести: «В водовороте» (1926), «Изверг» (1927); рассказы: «Калинин сруб» (1926), «Атаман» (1932), «Маша» (1933), «Урша», рассказ о расстреле галичанина в Альпах (1928), «Суд и расстрел», рассказ о расстреле крестьян в Мацаеве, Зборовского района, украинско-немецкими террористами (рукопись), «Нравоучитель», рассказ о жизни и подвигах В. Ф. Марущака (рукопись), «В кольце штыков» (1928), «В перекрестных огнях», в 5-ти частях (1929-1938), «Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима» (1930); драмы: «Одна невеста, два жениха» (1928), «Талергоф», «Драматиче-

ские картины» (1933), «Русины-партизаны в Карпатах» (рукопись); поэмы (18): «Анастасия Чагорова» (рукопись), «Крещение Руси» (1938), «Слово о полку Игореве» и др.; научно-популярные очерки: «Григорий Семенович Малец» (1936), «Дмитрий Андреевич Марков» (1938), «Николай Павлович Глебовицкий» (рукопись), «Народно-славянская Галицкая Русь» (рукопись), «Обзор галицко-русской письменности» (рукопись). По теме «Талергофа» поместил В. Р. Ваврик много статей публицистического характера в галицко-русской печати, как вообще и на злободневные вопросы, которыми живо интересовался. Сюда следует отнести также документальную публицистическую монографию п.з. «Черные дни Ставропигийского Института» (1928).

Поэтическое творчество В. Р. Ваврика очень богато. Его поэзии, напоминающие народную лирику, проникнуты горячим патриотизмом, особенно любовью к родным Карпатам, рассеяны по всем карпаторусским изданиям. Назовем здесь только вышедшие сборники. Это: «Трембита» (1921), «Стихотворения» (1922), «Красная горка». Третий сборник стихотворений (1923) и «Гаивки». Четвертый сборник стихотворений (1925).

Особую статью в творчестве В. Р. Ваврика занимают литературные портреты выдающихся культурных деятелей Руси. Назовем некоторые: «Дмитрий Васильевич Залозецкий» (1922), «Иван Григорьевич Наумович» (1924) и монография «Просветитель Галицкой Руси Иван Гр. Наумович» (1926), «Яков Федорович Головацкий» (1924), «Богдан Андреевич Дедицкий» (1927), «Исидор Иванович Шараневич» (1929), «Федор Федорович Аристов» (1933), «Владимир Андреевич Францев» (1937), «Игорь Эмануилович Грабарь» (1945), «Мариан Феофилович Глушкевич» (1960), «Проф. Тит Ив. Мьшковский» (1962), «Семен Юрьевич Бендасюк» (1962), «Антоний Степанович Петрушевич» (1963), «Иван Федоров, первый русский печатник и его пребывание во Львове» (1963), «Иван Степанович Шлепецкий» (1963), «Андрей Васильевич Карабелеш» (1965), «Андрей Степанович Шлепецкий — добрый пастырь» (1968) и много других.

В. Р. Ваврик скончался 5 июля 1970 года во Львове.

Литература: «Талергофский Альманах», вып. IV, стр. 87-89; «Карпаторусский Календарь Лемко-Союза на 1963 год»; газета «Вестник» за 19/3 1969 г.

Львов, 1970 г.

Р. Д. Миревич.

ВВЕДЕНИЕ

Народная поэзия — сокровищница всего народа. Создавали и создают её талантливые певцы, поэты, лирики, сказатели. Автор «Слова о полку Игореве» был, несомненно, одним из баянов на дворе галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла. Летопись отметила, что при князе Данииле Романовиче прославился певец Митуса. Он один нам известен, а сколько имен затерялось и пропало бесследно в продолжение веков!

Отзвуки народного творчества древней Руси сохранились в обломках до сих пор: колядки, щедровки, гайвки, русалии, ладкания, голосения, поговорки, пословицы, загадки, сказки, былины. Эти крошки народной словесности представляют собой ценнейшие источники быта наших предков.

Галицко-русские писатели, связанные неразрывными узами с народом, всем сердцем и разумом оберегали заветы и наследие своих отцов и дедов. Д. И. Зубрицкий начал свое литературное поприще рассуждениями о народных песнях: «Über galizische Volkslieder (1823)». Священники И. Г. Наумович, В. Д. Залозецкий, В. И. Хиляк, прожившие всю жизнь в деревне, были глубокими знатоками народной души, а И. Вишенский, И. Гушалевич, Ф. Белоус, Ф. Свистун, Д. Вертун, Д. Марков, С. Бендасюк вышли из самых недр народа.

В ниже следующих рядках остановимся на именах подлинных народных певцов-крестьян, песни которых представляют яркую картину самобытной поэзии и отличаются глубоким патриотическим содержанием. Не много их, всего несколько человек, но все они — соль Галицкой Руси. Помянуть их хотя бы самым скромным словом — неотложный долг благодарности потомства.

**ДИМИТРИЙ ГАВРИЛОВИЧ
ТРЕТЬЯК**
(1842 - 1897)

Димитрий Гаврилович Третьяк.

Родился в с. Турье Бродовского уезда в семье мелкого землепашца. У дьячка научился грамоте. Жажда знания завела его в уездный город Броды, где ему удалось поступить в 7-классное училище и при помощи добрых людей окончить его с отличным успехом. Вернулся домой.

Лишенный возможности дальше учиться, он стал учительствовать. В начале работа шла тяжело, но потом, изучив необходимые пособия, он вполне удовлетворительно справлялся с требованиями начальной школы. Как на зло, за отдачу голоса на русского кандидата в австрийский парламент, он был уволен со службы. Это было в годы черной реакции наместника Казимира Бадени. Что делать? На голове жена и дети. И он принял место сельского писаря в Заболотовцах, но скоро был лишен и этого скромного заработка на хлеб.

Д. Г. Третьяк слагал стихи под влиянием галицкой народной поэзии на мотив легкой коломыйки в коротких милоритных строфах; можно их найти во всех галицко-русских изданиях второй половины 19-го века. В них преобладают патристические, нравоучительные и набожные нотки. Многие из них стали народным достоянием, ибо были взяты из его сокровищницы. После смерти поэта они вышли особым сборником п. з. «*Песни для старых и молодых*», Коломыя, 1910. Книжечка скоро разошлась по деревням, и её трудно найти даже в библиотеках.

Кроме стихов, Д. Г. Третьяк писал статьи из сел, где учительствовал: из Вырова, Заболотец, из-над Стыра в изданиях:

Временник, Календарь Общества им. Мих. Качковского, Русская Рада, Ластовка, Приятель детей, Учитель, Газета школьная. В тех же селах записывал народные песни, сказки, приповетки, загадки.

Литература: *Временник* (Львов, 1901), некролог: Д. Г. Третьяк, И. Е. Левицкий: *Галицко-русская библиография*, т. II. Львов, 1895.

РУСЬ — МОЯ МАТИ

Христе Боже, царю славы,
Змилуйся над нами
Невинными и бѣдными
В свѣтѣ Русинами.
Мене враги ненавидят,
Страшат старшиною,
Що люблю тебе я, Русе,
Все держу с тобою,
Що подшептов не слухаю
Щоб тобѣ змѣнити.
Але дарма! Русь, без тебе
Не могу я жити.

Ой, Русином я родився,
И Русь — моя мати,
Чи ж могу ею лишити,
Сором ей задати?
Нѣт! Ей-Богу, я не могу
Двом панам служити.
Бо я — Русин, то ж и русским
Житьем мушу жити.

**

НАША ДОЛЯ

Сумно стало в каждой хатѣ,
Що гаразду не видати;
Не видати, не чувати,
Надаремно выглядати.

Гаразд буде, добры люди,
Коли у нас розум буде.
Нема чого журитися,
Но на других дивитися.

Як они про себе дбают,
Як гаразд нам забирают:
Одних грошем подплачуют,
Других хитро отстрашуют.

И на милость не пытаются,
На свое все завертают,
Щобы тебе погубити,
Щоб не мог ты в свѣтъ жити.

Но ты, брате, не журися,
На них собѣ задивися,
И за своим увивайся,
Баламутити не дайся!

И не дайся подкупити,
То счасливо будешь жити,
Дбай про себе и родину,
То оминеш злу годину.

Твое добро не пропаде,
Твое добро свой посяде,
Только пильнуй всегда своего
И не пнися до чужого.

Бо чужое тебе зрадит,
На лихий путь запровадит.
Возьме тобѣ твою славу,
Втрутит твоим ген под лаву.

Наша правда не загине,
Як любовь в нас не застыне,
Выйде на верх, як олива,
И Русь буде вся счаслива.

Пора, братья, розум мати,
Пора до рук книжку взяти,
Свою долю боронити,
Бо инакше — нам не жити.

*
**

ЛЮБОВЬ И НАУКА

Темность страшна нас обняла
И весь гаразд нам забрала.
Той великим наречется,
Кто нас вчти подойдется.
Того всѣ возлюбят люди,
Любовь всѣх крѣпити буде.

Кто нас збудит, спамятае
И всѣх с Русью поеднае?
То одна любовь лишь зможе,
Коли Господь допоможе,
Бо где любовь и наука,
Там к доброму есть понука.

Где свѣт, нужда уступае,
Добро скоро повертае,
Где покой, лад, мир и згода,
Там есть сила у народа.
Там счастливо проживают,
Где науку все плекают.
Кождый Русин мусит знати
И собѣ запамятати,
Що в науцѣ лишень сила,
Котра весь свѣт побѣдила.

*
**

РУСИНОМ ЗВУСЯ

В руках моих не остане
Все, що для Руси погане.
Ту горѣлку, чорта справу,
Трѣсну нею геть под лаву.

Туда арак и росоля,
Бо то все русска недоля,
Людей чести позбавляе,
С грунту, хаты выганняе.

А що-м твердый Русин сроду,
Люблю пити чисту воду,
Без всѣх трунков обойдуся,
Бо щирым Русином звуся.

*
**

ВСЕ ВПЕРЕД

Зажурились арендари,
Що мают робити?
Не хотят вже господари
Их горѣлки пити.

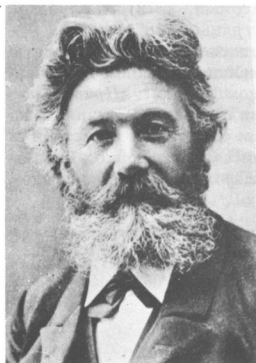
Ходят, стонут, раду радят,
Носы попускали,
Бо заставы и проценты
На вѣки пропали.

Бо господарь став тверезым,
Добрый розум мае
И газеты с Коломыи
Платит и читае.

Хлопы станут богатѣти,
Шинкари конати,
И с побѣдою Русь буде
Все вперед ступати.

*

**

**ИСИДОР РОМАНОВИЧ
ПАСЕЧИНСКИЙ**
(1853 - 1903)

Исидор Романович Пасечинский.

Дом Романа Пасечинского, настоятеля прихода в Красном Турчанского уезда в Бойковских Карпатах был особенным домом. По вечерам в нем раздавалась музыка, слышалось пение. Вся семья участвовала в хоре. В праздники приезжали соседи.

Сам о. Роман играл на скрипке, хорошо пел, любил блеснуть собственными стишками. Дочери его Анна и Стефания играли на рояле, унаследовали от отца любовь к поэзии. Сын Исидор стал поэтом.

Исидор Романович Пасечинский был странным человеком. Попович, но он заодно с крестьянскими парнями. Он всецело примкнул к крестьянскому сословию. Несмотря на полное среднее образование, несмотря на возможность устроиться выгоднее и получше на государственной службе, он предпочёл свободную жизнь, свободный труд, свободную песню. Продолжительное время бродил по обоим скатам Карпат и, возвратившись в родное село Красное, женился на крестьянке и занялся сельским хозяйством. Он полюбил село и его жителей, всем старался помогать советом и делом.

Как поэт, Исидор Пасечинский — преимущественно лирик, песни которого отличаются искренностью и непосредственностью настроения среди роскошной природы Карпат. В них бьется сердце горячей любовью к Родине, таится глубокое, сильное чувство, порожденное неволей, но укрепляющее дух и стойкость народа в борьбе за волю. Духом патриотизма про-

никнута поэма «Бесталанний» (Коломыя, 1872) и глубокой грустью «Думка на похоронах сестрицы» (1871).

И. Р. Пасечинский писал рассказы, собирал народную словесность среди бойков между Ломницею и Сяном в Турчанском, Старосамборском и Стрыйском уездах: «Приповедки, небылицы, баялюки для забавы и науки». Составил тоже «Словарец бойковско-русских слов». Некоторые его стихи и статьи появлялись под псевдонимом: Сидор Бойко. Печатались они в «Слове», «Временнике», «Проломе», «Русской Раде», «Галичанине» и в других изданиях.

Литература: И. Е. Левицкий, Галицко-русская библиография, Львов, 1895.

НАША ДОЛЯ БЛИЗЬ

Не сумуй днесь, русский брате,
Не рыдай!
Незадовго в нашей хатѣ
Стане рай.

Сам собою пожурись,
До работы заберись,
Не спускайся на сосѣд,
Бо не вкусен чужий хлѣб.
Тихо, щиро помолись,
Наша доля близь!

Не ходи ты, русский друже,
Мановцем,
Хоч во внутри голод струже,
Мов млынцем.

Весна блисла, бери рало,
Трудись щиро, як бувало.
За скибою скибу край,
Чистым зерном засѣвай.
Тихо, щиро помолись,
Наша доля близь!

Русь нехай нам процвѣтае
Все под лад.
Сердце скаже, хто нам ворог,
А хто брат.

*
**

ЗА РУСЬ

Высокая Магурина
Мраком закурилась.
Наша родная родина
Тяжко зажурилась.
Чого ж тобѣ так журитись,
Наша родна мати!
Хотят мене родны дѣти
До гробу загнати.
Если чужи мене грызут,
Не чуд, не дивниця,
Бо пять вѣков менѣ с ними
Судилося биться.
Но велике чудо-диво,
Що власны дѣти
Напосѣлись с ворогами
Мене задавити.
Они хотят, щоб я Русью
Зватись перестала
И щобы на Украину
Я теперь пристала.
Украина, Украина,
От так на тимчасом,
Потом буде чиста Польша —
Лях вторуе басом.
Высокая Магурино,
Перестань куритись,
Дорогая Русь-родино,
Не пора журитись!
Бойковщина, Лемковщина,
Гуцулия крикне:
Хто касуе имя Руси,
Най зо свѣта зникне!

*
**

ГЕЙ, ХТО РУСИН

Гей, хто Русин, з нами стань,
Доокола себе глянь!
Що доброго, научися,
А подлости стережися!
Я сам
За святу Русь житѣе дам.

Свою прошлость, Русин, знай,
О будуще лучше дбай!
Маем врагов щонемѣра,
Но Русь хранит свята вѣра.
Не забит:

Свята вѣра — Руси щит.

Гей, я Русин з рода в рѣд,
Русин батько, Русин дѣд.
Русска мати моя была,
Русским мене породила.
Так есть:

Русска мати — моя честь.

Памятай, що мы весны
Дождемось, не все паны
Будут нами обертати
И за чубы нас тягати.
Час прийде,
Русь вперед нас поведе.

*

**

ДУМКА

Суть богаты, що грош мают,
Но о Русь они не дбают.
Пьют, ѣдят и грают в карты,
Строят собѣ з всего жарты.
А хто лишь о себе дбае,
Для народа пропадае.

Як бы мы всѣ русски дѣти
Навернулись до просвѣты,
Стало б у нас веселѣйше,
Прятнѣйше и краснѣйше.
Жили бы мы так, як други,
Не були бы чужим слуги.

Если б наши всѣ гуцулы
Просвѣщенье роздобули,
Если б подоляне, бойки
Просвѣтились крѣпко, стойко
И всѣ лемки з их дочками,
Була б сила межи нами.

Щоб я так маю, як не маю,
Я бы тобѣ, родный краю,
Поклав бурсу в каждом мѣстѣ,
Принняв в каждую хлопцев двѣстѣ,
О, як бы Русь просвѣтилась,
Яка пѣсня бы полилась!

*
**

ЧИТАЛЬНЯ

В своей хатѣ своя правда,
И воля и сила.
Своей хаты мы дождались,
Правда побѣдила.
Заки сдвигли мы ту хату,
Було много трудов,
Бо в громадѣ майже в каждой
Есть богато юдов.
На таких мы не дивились,
Своего допяли,
Поставили собѣ хату,
Горазд обладнали.
Намахавшись хлоп косою,
А жена граблями,
Забавятся в своей хатѣ
Русскими книжками.
И газету прочитают,
И найдут новинку,
Прийдут щодня до читальни
Хоть бы на хвилинку.
Тут ничего мы не стратим,
А много придбаем,
Та и другим ще розкажем,
Що тут читаем.
Ой, горнѣтесь, громадяне,
Под читальни стрѣху,
Вперед, вперед, разом в купѣ
Руси на потѣху!

*
**

РУСЬ

Ой, не раз нам говорили
Наши вороженьки,
Що они нам опѣкуны
Щиры, солоденьки.

А мы знаем их опѣку
Уже не от нынѣ,
Они бѣды наварили
Всей нашей родинѣ.

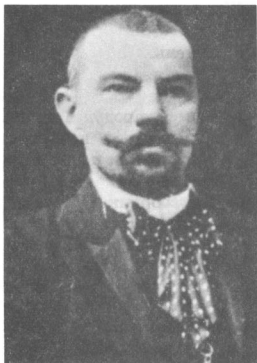
Огородись, Русь святая,
Твердою скалою,
Бо тебе чуже поводиє
Забере з собою.

Свои рады б замѣнити
Русь на Украину,
Хотѣли бы нас убрати
В ляцку кринилину.

Но если Русь Русью звется
Тысячу лѣт з ряду,
То та назва для нас в славу,
А не на заваду.

*

**

ИВАН ИЛЬИЧ ПРОЦЫК
(1864 - 1911)

Иван Ильич Процык.

Иван Кум был на Галицкой Руси более известен, нежели Иван Процык. Он родился в Прысовцах Зборовского уезда. Отец его был малоземельным пахарем.

Ваня учился хорошо, но не мог окончить лишь среднее училище. Был удален из VIII-го класса за участие в манифестации в честь И. Г. Наумовича. Оставался в родном селе до призыва в австрийскую армию. Выслужив в ней 12 лет вах-мистром, жил некоторое время в Чехии, где приобрел много полезных знаний. Женившись на чешке, устроился не плохо, но тоска по родине заставила его поблагодарить добрых славян за хлеб-соль и вернуться в родные стороны.

Иван Процык, вместе с братом Богданом, решил издавать народный журнал п. з. «*Наука*» по образцу просветителя Иоанна Наумовича, черпал из его сокровищницы, перепечатывал его статьи и повести, но всё же не доверял ему. Он сочинял патриотические стихи, писал шуточные сатиры, в которых беспощадно высмеивал пороки галицко-русского общества, подвергал острой критике гнёт польско-австрийских властей, грабёж евреев, наглых эксплуататоров и экпроприаторов народного добра. «*Простая бесьда*» Ивана Кума была любимой лектурой крестьян, которым по душе были веселый тон, юмор и крепкие выражения.

Львов — оплот польского шовинизма — давил душу крестьянина. Приходилось ему жить в чрезвычайно тяжелых условиях и работать в качестве писущего, редактора, экспедитора. Умер в крайней нужде. Согласно его желанию студенческий хор спел на его могиле песню Некрасова:

Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель наш и кормитель,
Где бы русский мужик не стонал.

Иван Кум всецело был предан родному народу. Теплым словом он старался его просвещать и укреплять в нем веру, что неволя захватчиков Галицкой Руси раньше или позже кончится, и великая Русь подаст ей руку помощи.

В 1905 г. Процьк издал популярный сборник «Декламаций» с портретами галицко-русских культурных деятелей: Наумовича, Яхимовича, Качковского, Добрянского, Дедицкого, Куземского, Гушалевича, Белоуса, Площанского, Малиновского и Барабаша — крестьянина и посла галицкого сейма, одного из подвижников Иоанна Наумовича.

Литература: Ф. Ф. Аристов, «Карпато-русские писатели», т. III (рукоп.).

**

КУРГАН

Серед поля Зборовского
Темнѣ курган.
Сорок тысяч вороженьков
Там поклав Богдан.
Не из злобы, а за правду
И за Русь святу
Упокорив Хмельниченьку
Вражую буту.
Правда, нынѣ на курганѣ
Красуется крест,
Но не врагам належитися
За то хвала, честь.
Крест Никита из Присовец
Сооружив тот,
Якраз тому вже минае
Двѣстѣ третій год.
Наоколо у Зборова
Тих курганов тьма,
А гаразду, як не було,
Так таки нема.
Народ русский наш, як терпѣв,
Так терпит теперь.
Ему всегда перед правом
Зачинена дверь.

**

РУСЬ ЕДИНА

Гей-же, братья галичане,
Вже настала та пора,
Щоб на небосклонѣ Руси
Засіяла нам зоря.
Зоря правды и любви
Щоб злучила всѣх сынов,
Що родились в русском краю,
Де Перемьшль, Галич, Львов.

Мы Червоной Руси дѣти
Пятьсот лѣт стоим в борбѣ.
У нас нѣт друзей-сусѣдов,
Только Бог, и мы одни.
Мы еще не побѣдили,
Но и враг не побѣдил.
Только силы сполучимо,
У нас много-много дѣл.

Мы не знаем земли красшой,
Як наш край: Галичина —
Часть всей Руси безпредѣльной,
Наша близша вотчина
Поза Бескид и Карпаты,
Понад Сян, Буг, Збруч и Прут.
Станьмо в оборонѣ Руси,
Най не дѣлят Русь, не рвут.
Разом руки! Разом силы!
Мы часть мира, мы — народ!
Русь едину передаймо
Нашим дѣтям з рода в род.

*
**

СЯН — НАША ГРАНИЦЯ

Чому кружишь, ляцкий орле,
Понад русску хату,
Чому несешь в русску землю
Польскую гакату?

Тут свята Русь, а не Польша,
Тут слава гремѣла,
Тут владѣли, князювали
Сыны Владимира.

Тут искони земля русска,
Земля Ярослава,
Тут лягала и вставала
Наша русска слава.

Тут прадѣдны родны наши
Даниила чада
Грудью, кровью Русь спасали
От гибели ада.

Тут мы сами володари,
Тут наша земля,
Перемьшль наш и Карпаты,
Сян — наша граница.

*
**

ЗАЗУЛЬКА

Шла дѣвчина левадою,
Шла на панский лан.
Перед нею серед поля
Выступив курган.

Под курганом головоньки
Козацких сынѡв.
На курганѣ грираменный
Крест святой зчорнѣв.

А на крестѣ зазуленька
Сѣла и куде.
Заслухалася дѣвчина,
Аж серденько бѣе.

И залилася дѣвчина
Аж у три ручья:
Скажи, птичко, чи воскресне
Матенька моя?

Злепотѣла зазуленька
З куком понад лан.
Дивись, доню! Солнце всходит,
Мерехтит курган.

*
**

ЧАС ВСТАВАТИ

Слышу вопли из-под Львова,
Плач и стоны у Зборова.
Якась орда напирает,
Край Подолья разоряет.
Краде мову, грабит вѣру
«Нема Руси!» гласит міру.
Хто тѣ враги? Чи татары
Летят на Русь наче хмары?
Не татары! Я их знаю,
На мечѣ еще кровь маю.
Кровь запеклу з-под Збаража,
Де корилась душа врага.

Лежат в землѣ тихомолки
Козацкіи славны полки.
Лежат, не спят, лишь дремают,
Замогильну стражу мают.
А як сурмы-трубы грянут,
Всѣ головы на бой встанут.
Не корися, русский роде!
Борись мужно против орды,
Як лях стане наспирати,
Кличь: Богдане, пора встати!

*
**

ЧЕСТЬ

Честь вам, наши славны дѣти,
Честь страдальцям пять вѣков,
Що не дали одолѣти
Святой Руси тѣмѣ врагов.

Наши отцы в вѣчном мирѣ
Спят в могилах. Вѣчны сны.
При Руси стоят оплотом
Славных предков их сыны.

Они знают умирати
За народ, за Русь, за честь,
Им не страшен удар грома,
Не страшна им ляцка месть.

Поки чути русске слово,
Поки течут Сян и Прут,
Русь живе и жити буде,
Продвѣтати буде тут.

*

**

**ИВАН ФЕДОРОВ
ФЕДОРИЧКА
(1872 - 1930)**

Иван Федоров Федоричка.

Это был замечательный крестьянин, увидевший свет в Лужке Дольном Старо-Самборского уезда. Окончил только 3-классное училище. Чтение книжек доходило у него до пристрасти, и оно сделало его стихотворцем.

Во время работы, в стоделе или на подворье, он всегда имел при себе мел, которым записывал свои стихи на хлебах, воротах и شوпах и под вечер списывал их на бумагу. Он никогда не расставался с карандашом и тетрадкой, ходил ли за плугом, жал или косил — всё заносил в свою книжечку.

Иван Федоров Федоричка выступал с своими патриотическими стихами на собраниях членов Общества им. Мих. Качковского, на народных вечерах Русской народной организации и на разных торжествах и манифестациях, и везде имел огромный успех. Поэтому скоро стал широко известным, народным, красноречивым оратором. За это и был арестован в начале войны 1914-го года и вывезен в Талергоф возле Граца. Не судилось, однако, ему погибнуть в песке на чужбине. Он перенёс все лишения в австрийской каторге, вернулся на Родину и продолжал свои думы на малом хозяйстве до последних дней жизни.

Иван Федоров Федоричка был поэтом свыше. Стихи его «Из-под селянской стрѣжи», «Из сумных гасов», «Колись и нынь», «Где корень зла» писаны не чернилами, а крестьянской кровью. В них слышится стон русского раба в польской неволе, в них льются горькие слезы обездоленного нуждаря, но и блестят лучи надежды на волю, свободу и воссоединение

галицко-русского народа с родным великим русским народом. Этого дня, однако, ему не довелось дождаться.

Большая историческая поэма Ивана Федорова Федорички п. з. «Талергоф или Русская Голгофа» посвящена незабвенной и вечной памяти жертв австрийского военного террора в Талергофе, который поэт называет «нероновским амфитеатром 20-го столетия». Вторая поэма «Полатайко» рассказывает о крошечном нуждаре, который зарабатывает на кусок черного хлеба починкой чужих вещей. У него ни поля, ни хаты. Живет в темном углу у соседа.

НАША НИВА

Ниво наша дорогая, прадѣдная ниво,
Чом така сумненька стала и глядишь тужливо?
Та чому ты, родна ниво, горем вся повита,
Ой, чому ты, родна ниво, слезами залита?

Чом замовкла, мати родна, мовбы в домовинѣ,
Чом орел орла не кличе на твоей долині?
Не спѣвае соловейко в гаю, як бувало,
Чом зазульку у садочку чути якось мало?

Чом у твого господаря серденько зболѣле,
Чом у красной дѣвчиноньки личенько змарнѣло?
Чом не водит хороводов и не вѣе вѣночок,
Не виходит с женчиками на родный ланочок?

И пшеничка золотая марно пропадае,
До земельки приклонилась, женцѣв выглядае.
Не виходят трудолюбны женчики из хаты,
Золотую пшениченьку в снопики збирати.

Не виходят и не выйдут, бо вийти не в силѣ,
Бо всѣ они, пшениченько, лежат у могилѣ.
Нема, нема, тай не буде женчика Богдана,
Нема батька Михаила, нема Иоанна.

Сѣятели, твои женцы, що так потрудились,
На тобѣ, родная ниво, всѣ упокоились.
Их могила темна, сѣра в свои нѣдра взяла,
И ты, буйна наша ниво, сиротою стала.

**

ТАЛЕРГОФ

В Талергофѣ близ гангара
Мучеников стоит хмара,
Поставленных в довгий ряд.
А кругом них з диким криком,
З наѣженным острым штыком
Патрульное лютьѣй шваб.

И зубами аж скрегоче,
Кляне, плюе, теренкоче
Окаянный людонд.
Кождому он прагне смерти,
Рад бы з лица земли стерти
Ненавистный русский рѣд.

Горе, горе! Братя мои!
Тут в нѣмецком Вавилонѣ
Плачи, зойки, стон, завѣд.
Печаль нервы розрывает,
Сердце в грудях завмирае,
Меркне з болю в очах свѣт.

Тут несчастный Рус смиренный,
Багнетами оточеный,
Попадае в обморок:
Под багнетом мусит жити,
Спати, встати, воши бити,
Под багнетом кождый крок.

Под багнетом менаж-зупка,
Под багнетом до выходка,
Под багнетом — «айнс, цвай, драй»,
Под багнетом сповѣдайся,
Под багнетом грѣхов кайся,
Под багнетом умирай!

Под багнетом гроб открытый,
Под багнетом труп зарытый,
Под багнетом в лице бьют,
Под багнетом написала
Тиранія, щѣб Русь стала
И на страшный божий суд.

Горе, братья галичане!
Дрожат нервы, сердце вяне,
Меркне з болю в очах свѣт.
Як погляну, душа млѣе,
Як тут русский род марнѣе,
Кровью росит кождый слѣд.

Горе, горе, чорна доле!
Стонут горы, стоне поле,
Неслыханый, лютый гнет.
Всѣм нам грозит тут заглада,
И здається, з того ада
Жива душа не уйдет.

Смерть-погибель царит всюды:
Стрѣлы в плечи, штыки в груди,
Ни вперед, ни в бок, ни взад.
Слеза слезу вытискае,
Рана рану постигае.
Талергоф — кромѣшний ад!

*
**

КОЛИСЬ А НЫНѢ

Под Карпатскими горами,
Меж буйными царинами,
Пльиве рѣчка, шумит лѣс.
Село в лѣпоту зацвило.
Ах, Господи! Як тут мило
Тут родився, тут я зрѣс.

В юности тут веселився,
Ходив в школу и учився,
Читав пильно з книжочок.
А там в полѣ, милый Боже,
Яке ж було житѣ гоже!
Пас череду овечок.

Гей, гей! Як тут житѣ пльыло,
Як тут було любо, мило!
Як згадаю, Боже мой:
Гуляв, буяв, не журився,
Спѣвав пѣсни, не журився,
Як в садочку соловѣй.

Ах, вы чудны, чародѣйны
Лѣта юны, лѣта стройны,
Де вы? Уплынули в даль!
Завертѣлось, закружилось,
Що осталось, що лишилось,
Що? Неутолимый жаль!

*
**

ЛЮБОВЬ

Любовь — вѣнец нашей жизни,
Любовь — бѣдным, ближним,
Любовь — корѣнь всѣх блаженств.
Любовь — се наш ключ до неба,
Любовь — альфа и омега
Христианских совершенств.

Любовь добры дѣла творит,
Любовь правду все говорит,
Любовь родит чудеса,
Любовь злобу ненавидит,
Любовь грѣхом собѣ бридит,
Любовь веде в небеса.

*
**

СВѢТЕ, ТЫ НАШ СВѢТЕ!

Гей, гей! Свѣте, ты наш свѣте,
Студеный, завзятый,
Окаянный, злобный, грѣшный,
Лютый, сорокатый.
Не могу тебе сегодня,
Непроглядный свѣте,
Ни поняти, ни познати,
Ни порозумѣти.
Скажи, свѣте, де есть корень,
Де тому причина,
Що на тобѣ злобы море,

Правды окрушина?
И та правда поругана,
В лахманах, оплюта,
А неправда в павильонах
В золото окута.
И та правда слезы ронит
В кутику нужденном,
А неправда шумит-гудит
Трясе шаром земным.
Ба, що больше? Густо, часто
И таке буває,
Що неправда правду живцем
На крест розпинае.
Гей, гей! Свѣте, ты наш свѣте,
Яке лихо, горе!
Вѣк двадцятый, а на тобѣ
Кровавое море.

*

**

ДАНИИЛ ИЛЬЧИЧ СЫСАК
(р. 1889 г.)

Даниил Ильич Сысак.

Вышел из крестьянского сословия, но он более городской рабочий, чем крестьянин. Вся его жизнь прошла в бедности американского чернорабочего. О себе он пишет:

Я родился в с. Джурин Чертковского уезда 12-го февраля 1889 г. Моя мать Варвара Пантелеймоновна Блаженко умерла молодой, мне было тогда 13 лет. Мой отец служил у помещика; в его ярмо затянул и меня. Не так школа, как читальня Общества им. Михаила Качковского имела большое влияние на мое образование. Она помещалась в доме моего дяди Софрона Ив. Сысака. Я внимательно прочитывал газеты и книжки.

Стишками я начал интересоваться на 15-ом году жизни. На годичном собрании членов читальни один парень произнес стихотворение Ивана Федорова Федорички: «Я — хлоп». Оно понравилось мне до того, что сам попробовал сочинять. Первым стихом было стихотворение: «Суматоха». Я даже читал его в присутствии тогдашних наших руководителей: О. О. Гецева, д-ра Могильницкого из Бучача, судьи М. Иванусы, адвоката Выдрака и податного инспектора Диакковского из Черткова. Ободренный ими, я выслал рукопись в журнал «Наука» И. И. Процька. К сожалению, журнал заболел чахоткой, и с ним погибло мое детище. Это убило во мне охоту к творчеству.

Накануне 1-ой мировой войны 1914 года я оставил родное село и отбыл в Америку. Тогда мне было 25 лет, в США я возобновил мысль о стихах, которые продолжаю сочинять до сегодняшнего дня.

Путь к творчеству стелил я себе сам. Не было у меня в ранней молодости наставников и учителей. Наш мирок в США отнесся ко мне недоброжелательно. Наша эмиграция не выдала ни одного даровитого писателя, и всякие незнайки тормозили прогресс к просвещению. Основные сведения по теории стихотворства указал мне В. Р. Ваврик, пояснил мне общественно-политическое значение художественной литературы, смысл и роды лирических произведений. Впервые я узнал, что такое: хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест, что такое рифма и строфа. Указаниями моего учителя пользуюсь по сегодняшний день.

Стихотворений разного содержания я написал свыше 150-ти заглавий. Печатались они в наших изданиях, чаще всего в «Правде» (Филадельфия). Некоторые были мне возвращены, как слишком «шерсткие», а некоторые совсем затерялись. Трудно мне найти теперь «Галицкую марсельезу», «Гей, пуцу я ози» и «Заветы о. Иоанна Наумовига: молись, угись, трудись, трезвись».

Кроме стихотворений я составил одну мелодраму п. з. «За веру и отечество», написал новеллы: «Наймит», «Разбитые мезты», «Побожные» (по произведению И. Я. Луцька), «Як горт жида вхопив» (по рассказу В. Г. Короленко). С польского языка перевел очерк «Семья Боржиев». Много у меня статей на злобу дня. К сожалению, негде их печатать.

*
**

В автобиографии Д. И. Сысак ничего не говорит о своей твердой жизни рабочего, ничего о своей общественной деятельности. Он подвергал острой критике главарей галицко-русской эмиграции в США, и поэтому у него было не мало врагов. Особенно резко он выступал против них в стихотворении: «Огнитесь». К более продуманным его стихотворениям принадлежат: «Новобранцы», «Моей жене», «В лунную ночь на гужбине» и «Осенние мелодии». Тоска по родной земле, стон души по утерянной отчизне, разочарование в людях, но и стремление к личной свободе — отзвуки его дум. Следовало бы их издать, без каких-либо изменений, как доказательство, на что способен галицкий Русин-самоук, который, выработал свое мнение, свой язык, свой стиль, который любит рубануть с плеча и ранить сердце до глубины.

ВЪРНЫЙ СЫН С. ДЖУРИНА

(Братаницѣ Мартусѣ.)

На свѣт сей прийшов я в бѣдненькой хатинѣ
И в ней проводив я мои юны дни,
Напротив каллички, що через дорогу
Стоит на Подолью в селѣ Джуринѣ.
Як мило, приятно теперъ вспоминати
Тѣ юны бурхливы лѣта молоды.
Не видѣли зла тогда мои очи,
И юне сердце мое не знало бѣды.
Купався я в рѣчцѣ, що звется Джуринкой,
Тихонько журчачи, котится селом,
Бог зна, отколи она повѣнчалася
С славутным дядюшкой Днѣстром.
В шесть лѣт ходив я в школу азбуки учиться,
Щоб свѣт сей узнати, житѣе и людей,
А в десять в пана, под жолобом спавши,
Годин аж дванацять погоняв коней.
В часѣ том не знав я ще зла и горя,
Хоть голод не раз, не два отчував,
Хоть ноги и руки от працѣ щемѣли,
Хоть зо щурами в берлозѣ под жолобом спав.
Судити я батька, хоть мог, не рѣшався
И кривду поняв я лишь в пана на дворѣ,
Коней погоняя за десять крейцаров,
Не только я один, но всѣ нуждари.
Но всё же думав я: той час змѣнится
И голод терпѣти не будут сынки,
Як дружно возстанут всѣ народы свѣта
И щезнут на вѣки кровь пьющи пѣявки.

*
**

Так йшли дни за днями, и я, подроставши
В тих злыднях достиг повных юных лѣт,
Тогда я задумав покинути село родненьке
И помчався в далекий, заморский свѣт.
Чи долю знайшов я, сказать я не в силѣ,
Но все же провѣв я тут вѣк молодой.
Хоть всяко бывало, но мысль не сходила
Про край мой родимый и дорогой.
Вот мысль та товпилася, и я всей душею
Мов на крылах птаха мчусь в милый Джурин,

Де свѣтъ я увидѣвъ, якому и на чужинѣ
Готов душу дати, як вѣрный сын.
Приѣхав. О, якже змѣнився ты, друже,
Змѣнились люди, змѣнилось житѣе
И став як врытый, полумав, внезапно
Солена слеза скотилась на лице мое.
Скотилась, упала, зросила землицю
Подольску мою, и я в чужину
Назад повернувся с тяжкою душою,
Що больше увидѣти вже не смогу.
За жизни не вернусь я туды николи,
В Джуриин мой прекрасный и дорогой.
Пращай же! Я вѣчно с тобою, хоть в чужинѣ
Засыпят мене землею чужой.

*
**

МОЕИ ЖЕНѢ

Жено, гляди, як солнце заходит.
Еще разочек из-за гор
Свѣтъ озарит лучом багряным
И неба безбрежный простор.
Зашло. Простилось с мирочком.
Закат прекратил яркий день.
Так наша жизнь, як солнце меркнет,
И гроб от нас лишь на ступень.
Столь лѣтъ мы жизнью наслаждались,
Стихией природы в мирѣ том
От дня, як вѣрность слюбогали
Друг другу в церкви пред крестом.
Судьбою и Творца повелѣнием
Нам було рѣшено сойтись.
Но вот, жено, в дверь ступила гостья,
И нам придется розойтись.
На все оставим то падолье,
За звѣздну грань взлетим душой,
А тѣло наше лишь прикроет
Черный, засохший дернь собой.
Не посадит никто цвѣточка,
Лишь дикий хвост нас прикроет,
Затопчут гроб чужии люди,
С друзей никто не навѣстит.

И дѣти наши нас забудут,
Где их отец и где их мать.
Пташки лишь будут присѣдати
И нас в том гробѣ вспоминать.

*
**

ПЕЧАЛЬНАЯ ПАНИХИДА

С каждым днем мы ближе к гробу,
И свѣт меркнет нам в глазах.
Что оставим мы потомкам,
Что напишем на крестах?

Где труды, где наши думы,
Где народный русский дом?
Все заглохло, все пропало,
Тишина царит кругом.

Где же наши сыны, дочки,
И где наша хоругвь?
Не видать. Мне гроб не страшен,
Я к нему совсем готов.

Но с порожными руками
Мы уходим в дальний путь.
Не за что о нас молиться,
Не за что нас помянуть.

*
**

НАГРАДА

Приходят дни, уходят дни,
И с ними наш кровавый пот.
Тихцем накроют нас землей,
Никто слезинки не прольѣт.

Трудились мы и в ночь и днем
В началѣ к цѣли дружно шли,
Хотѣли мы построить дом,
И жертвовали, что могли.

Мы вѣрили, что сыновья
Оцѣнят наш мозольный труд
И дальше нашу хоругвь
Охотно вмѣстѣ понесут.

Не случилось так. И в пух и прах
Бородачи дом рознесли,
И без поминок, без креста
Мы упокоимся в землѣ.

Какой печальный наш исход!?
Рыдаешь ты и плачу я.
Ой, на могилу нашу, брат,
Не ступит, знать, нога ничья.

Весь мир своих покойных чтит
И украшает их гробы.
На наших крапива растет
И ядовитые грибы.

Из года в год несут цвѣты
Ребята на гробы родных.
Нам не приносят, ибо мы
Себѣ не заслужили их.

Процессией идут сюда,
Потом при множествѣ свѣчей,
А нам беспамятным рабам
Развѣ чирикнет воробей.

Такой награды дождались
Мы, выходцы из-под Карпат.
Ты плачешь нарозрыв,
А я уже не в силах, брат.

*
**

МОЕМУ РОВЕСНИКУ
(На 80-ть лѣт его жизни.)

Гей, Василий, чи не лихо
Осм десяток журавлей
Удрали нам, а по тихо
Девяностка до дверей

Стучит громко — гей, Данило,
Открывай нам дверь свою,
Привитай нас бодро, смѣло,
Мы и скочим к Василию.

И ему тож гукнем смѣло
Под окном и стукнем в дверь:
Гей, Василий, твое дѣло
Будет с нами от теперь.

Не ярку несет нам радость
Та девятка журавлей,
А горкавый мед и сладость
С наших уж пустых пѣсней.

Тѣ удравшие были всяки:
Бѣлы, черны, як чорты,
Гривы, даже сорокаты,
Их то «колор» знаешь Ты . . .
Ну пущай там, чорт из ними,
Удрали то удрали,
Нам вот дѣло со «святыми»
Як в «высѣ», так на землѣ.

Мы с удравшими сгодимся,
Але дѣло в нас вот то —
Дал бы Бог, щоб я ошибся,
Як там тот святыи Петро . . .
Старичок он, вѣчно собирает,
Не жалѣет никого,
Тай посылки посылает,
В том забота вся его.

Милосердия не мает,
Глуховат на просьбы всѣ,
И моленья в кош кидает,
Як нам знаный «Алексѣй».
Старичок то он завзятый,
Дармо що зовем святым,
В своем дѣлѣ туповатый,
Так не стоит драться с ним.

Гетсимань ему-б сгадался,
Кто он там тогда то был,
Як Христа он отрѣкался,
Но Христос ему простил.
Мы хотѣли-б ще прожити
Годик, два, вот в мирѣ том,
Щоб пером еще служити,
Грудь пылает нам огнем,

Пламенѣет ночью, днями,
Як в груди, так в головѣ,
Но вот гадость за плечами
С повѣсткою в карманѣ:

«Вы довольно натрудились,
Час грядет отпочивать,
Мрии ваши вам не сбылись,
Пригвоздил их кто? — сгадать...

Так Петра я ту оставлю,
Удравшие журавли,
А девятку привитаю
И «ангелов» на землѣ.

Нудь Тобѣ, поэт и брате,
Об удравших журавлях,
Ты-б хотѣл о них спѣвати,
Но «замочок» на устах...

Ты желал бы выйти в поле,
Щоб вот нивоньку орать,
Эх, ты доле, наша доле,
Стонет мать у Карпат.

Мы боролись за «едину»,
На «восток» держали путь,
Тысячи лягли в могилу,
С вѣрой славу принесут...

Як не нам, то поколѣнью,
Русь «сѣднана» обдарит,
Увѣнчает нашу мрию
От Камчатки по Бескид.

Принесли вот, що не мѣра,
Очергать все нету сил,
Праскла наша ярка мрия,
Но бодрись мой брат, Василь...

Все поломано, стоптано
Историчное имя,
На «Западную» прозвано
Ни почем Галичина.

Годик, два и нас не станет,
Грудь велит писать мнѣ то,
Мы другие «могиканы»,
Кто виновен? — знаешь кто...

Головой мур не ломати,
Як от гроба мы студень,
Поколѣнье... ого, брате,
«Мертвечина» в бѣлый день.

Мы в могилѣ будем спати,
Но можливо грянет час,
Может с гроба «Нестор» встати
И запишет в книгу нас.

Як боролись до загину
В Прикарпатью русины
За Велику Русь єдину,
Руси вѣрные сыны.

Посумнѣл «лев под скалою»,
Теребовля, Галич, Холм,
Як разрушен «свободою»
«Цеголковый наш вот дом».

Так теперь вот в той подѣи
Мы, як сироты, рабы
И бездомны в той стихии,
Сил нет болєй до борьбы.

Так нет смысла нам боротись,
Ведь то братья, не кто будь,
Тяжко боль ту затушити,
Як она нам ломит грудь.

Предчуваю друже-брате,
Як Ты чувствуєшь себя,
Злыдни тѣ переживати
Весь Твой вѣк до сего дня.

«Венѣ» был Ты не по духу,
Так «преданьем не дарил»,
За то вперву «заверуху»
В Талергофѣ «воши» бил.

За весь труд така заплата,
Эх, Ты Боже, где то Ты,
Така доленька щербата
Нам присуждена с горы.

Не Господь Творець весь мира
Нам судьбу таку судил,
Ту замолкла моя лира,
Кто нас в гроб живых зарыл...

Кончил Ты и я с Тобою
Тых осемдесятк лѣт,
Сумный лев наш под скалою,
Сумный наш в Карпатах свѣт.

*

**

Не яркие пожеланья,
Не яскравый и привѣт,
А душевные страданья
За осьмидесяток лѣт.
Не Тарас я, друже милый,
В тѣх рядках узнаешь стиль,
Мы ступень уж от могилы,
Так боротись нет уж сил.
Мы другие «могикане»,
Як сказал Ты тое сам,
Плачте, братья галичане,
Мы в отчизнѣ, а вы там . . .

Заключение.

Приходят дни, уходят дни,
А с ними наш мозольный труд,
Тихцем накрѣют нас в землѣ,
Друзья слезины не прольют,
И камнем бросят в землю ту
Борцу за труд, за Русь святу . . .

*
**

В БОЛЬНИЦѢ

Больница понура и стѣны
Понуро глядят на тебя.
Страхаюсь здѣсь собственной тѣни:
Задавит смерть, как воробья.

Бог вѣсть, куда счезнет со мною
Подземным глубоким рвом,
Не дасть попрощаться с женою,
С товарищем, вѣрным дружкойм.

Больнична постель, как машина,
Скрипит на желѣзных ногах,
И доктор уходит, и грустно
Стоит лишь подруга в слезах.

Но счастлив я тѣм, что всецѣло
Я не обращусь в пепел-тлень,
Не сгаснет свѣча в Петроградѣ,
И будет горѣть в ночь и день.

В больничной постели слагаю
Я тот предсмертный стишок:
Спасибо, мой друже, что вѣчный
Нашёл для меня уголок*

*
**

* С бумагами В. Р. Ваврика литературное наследие Д. И. Сысака хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

**ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
ТЕРНОПОЛЬСКИЙ**
(1900 - 1941)

Иван Васильевич Тернопольский.

Родился в Поникве Великой Бродовского уезда. В детстве потерял отца. О себе сам пишет:

— Бывало, посадят меня мама на середине хаты, поставят возле меня горнец с кашей, а сами идут на работу. Лет 5-ти я пас гусей и нераз залился слезами, когда моя крылатая худоба взнеслась вверх и улетела на плесо Стыри.

Лет 6-ти я гнал уже красульку в поле. К моим ушам долетал звонок, призывая детей в школу. Я сам научился читать из букваря и в школьном классе бывал только зимою.

Нагрянула война 1914 года. Фронт колебался. Осенью следующего года во тьме ночи ушло наше село, вместе с русской армией, на восток и остановилось в с. Березове Житомирского уезда на Волыни. В 1918 году, после развала Австрии, мы вернулись в родное село и застали его в пепле и мусоре.

Во время польского владычества пришлось хозяйничать на маленьком участке земли и горе мыкать. Всё-же молодая сила взяла верх. Я пополнял свое образование, читал всё, что в руки попало. Сердечным моим другом стал Михаил Несторович, председатель читальни Общества им. Михаила Качковского. Он втянул меня в народную работу под руководством уездного организатора свящ. Мартина Балюты, настоятеля прихода в с. Дубье. Мы могли похвастаться успехами.

*
**

Как же безжалостно обошлась с ними судьба! Когда совет-

ская армия в 1941 г. отступала под нажимом германцев, они все три пали жертвами украинских террористов. Свящ. Мартин Балюта, возвращавшийся от больного, был достигнут в лесу и убит на месте. Мих. Несторович был ограблен и уничтожен дома. Изуродованное тело И. В. Тернопольского было брошено в Стырь.

И. В. Тернопольский оставил очень скромное литературное наследие. Он не успел даже собрать его в маленький сборник, и его стихи разбросаны в галицко-русских изданиях, главным образом в книжечках и календаре Общества им. Мих. Качковского.

ВОЙНА

Розтягнулась грозна хмара
Над всею землею,
Рясный дощ полив стрѣлами,
Став туман над нею.

Черепом смерть на кладбищѣ
Косу поклепала,
Пошла в поле, цѣлы горы
Покосов наклала.

От полночи до полудня
На всходѣ, заходѣ
Наймудрїйшого и дурня
У покос, тай годѣ!

Шах та шах! Головы зносит
Страшною косою,
И покрьлося все поле
Красною росю.

Смерть з Карпат не вылазила
Продовж тяжких роков.
Могила коло могилы,
Крест що пару кроков.

Сколько тут людей погигло,
Сколько их пропало,
Не питайте, щоб ще горше
Пекло не настало.

*
**

МАТИ

Сыну, не чекай до завтра,
Выходи ще нынѣ,
Бо не варт тѣ довше бути
В той моей хатинѣ,
Де тебе я породила,
Малым колысала,
Кровью грудною кормила
И собѣ гадала, \

Що на старость помочь буде,
А ты забув Бога.
Иди, сыну, а я сама
Останусь небога.
Вышов. Нищим скитається,
Горко, сумно всюди.
Добрых людей стыдається,
И его, приبلуды,
Нихто вѣдати не хоче
Та из хаты пудит.
Змѣзернѣлый и обдертый
Повернув до хаты.
Як узрѣла, на порозѣ
Зарыдала мати.

*

**

МОЯ ПАЛАТА

Родненька хатино,
Пошила, горбата,
Ты моя отрада,
Прекрасна палата.

Хоч ты и нужденна,
Зовсѣм не роскошна,
Хоч гостит у тебе
Нищета кромѣшна,

Ты для мене счастье,
И ты одинока,
Знаешь мои злыдни
И горе глубоке.

З тобою дуброва
Пісеньки заводит,
До твого оконця
Дівчина приходит.

Тебе не покрють
Ни сріблом, ни златом,
А мене не скинут
Из русского хлопа.

*

**

ПОВОРОТ З ТАЛЕРГОФА

Мов сирота, мов польнюю
Горкою напита
Русь вертає з Талергофа,
Скатована, збита.

Вітер нею кольбає,
Як в осень бодачем.
Иде, иде, де привстане,
Там горко заплаче.

Приплянталась на згарище
Своей родной хаты,
Гонят бідну таки свои
Выродки прокляты.

Измучена, изранена
Ледво шкандыбає,
Всю дорогу, куды иде,
Слезми поливає.

*

**

ПЛАЧ РУСИ

Чий то голос, чий плач чути
Так печальний и так смутный,
Що аж сердца стук глушит?
То свята Русь горко плаче
На могилоньках дитячих,
В судорогах вся дрожит.

В ранах, крови и без силы,
От могилы до могилы
Горких слез поток плыве,
И з розпуки ломит руки:
За що мучили звѣрюки
Мое дитя дороге?

В Талергофѣ под соснами
Крестом стала над сынами,
В день журилась и в ночи,
И так жалобно рыдала,
Що з могилы повставали
Мучеников тысячи.

Чого плачешь, родна мати,
Тут над нами, де проклятый
Правит и лютуе кат?
Повертай под родны стрѣхи
И неси слова потѣхи
Вздвж и поперек Карпат.

*
**

РОКОВИНЫ

Ген далеко, на край свѣта
Думками сягаю
В дваццятый роковины
Мук родного краю.

Люта товпа. Аж курява
Дорогою стала.
А на боках жалом змѣя
Ескорта сычала.

Пѣнятся, кричат жандармы,
Бѣснуются нѣмцы,
Мадьяры и яничары,
Браты-перекинцы.

З диким реготом на вербу
Тягнут селянина,
А там другий рые яму
Для родного сына.

Летят искры з-под сокиры,
Шибеницѣ звелись,
Стоны, муки, кровь на вѣнец
Славы Руси сплелись.

— — —

АФАНАСИИ ГАВРИЛЮК

Трудно найти какие-нибудь справки о крестьянском поэте Афанасии Гаврилюке. Неизвестно, где и когда родился, чьим был сыном, где учился, как хозяйничал и когда умер.

Стишки Афанасия Гаврилюка находим в галицко-русских изданиях накануне первой мировой войны 1914 года. Охотно помещал их редактор «Галичанина» О. А. Марков в «Русском Календаре», откуда и заимствуем нижеследующие стихотворения.

СУДЬБА ХЛѢБОРОБА (1905)

Вѣтер вѣ студененький
По широком полю,
При дорозѣ одиноку
Кольше тополю.

А тополя, як тополя,
Она не думае
И ничого не розскаже,
Бо що ж она знае?

Лишь листочок о листочок
Трется неохоче,
Мов про долю хлѣбороба
С вышины шепоче:

Было колись добре жити
В свѣтѣ рольникови,
Так як мав где выпасати
Волы и коровы.

Хлѣба було подостатком
В шпихлѣрѣ, стодолѣ,
Рок до року всей родинѣ
Ставало доволѣ.

О прочем он не журился,
Лѣс заглядавъ в хату,
Не нарѣкавъ, хотяй долю
Мав всегда щербату.

Нынѣ в свѣтѣ стало тѣсно,
Люди розмножились,
Свои поля широкіи
В нивки роздробили.

Нивка стала без омасты,
Посна, неврожайна,
От выдатков в передновок
Стала нужда крайна.

Перед нею хлѣборобы
Ратунку шукали,
Спасаючись, аж по уха
В банки залѣзали.

Рата рату як догонит,
Банки не жаргуют.
Буде дѣдов повно в селах,
Бо все злѣцитуют.

*
**

О Р А Ч (1906)

Выйшов орач до восходсолнця
В свое поле с плугом.
Помолився и поглянув
На окресность кругом.
Вѣсьта, гнѣдый! мовив жваво
И скиба рухнула,
Русска пѣсня: счастье нам Боже!
Широко загула.
Орав, орав до полудня,
И скиба стелилась,
Тиха пѣсня, наша дума
Над полем носилась.
Коли ж солнце у полудень
Стало припѣкати,
Гнѣдых коней орач выпряг

Та став попасати.
Спожив и сам грѣнку хлѣба
Та ляг под оплету,
Розложив и вслух читае
Русскую газету.
Прочитавши все до дошки,
Взявся за роботу.
Чорный хлѣбец, руске слово
Додали охоты.
До вечера цѣла нива
Стала оброблена,
Засѣяна чистым зерном
И заволочена.
Таких пильных хлѣборобов
Пошли Руси, Боже,
А напевно вража сила
Нас не переможе.

*
**

ДО СВѢТЛА (1905)

Всѣ народы в цѣлом свѣтѣ
Суть богатые, бо ученые,
Лишь мы бѣдны, несчастливы,
Бо за мало просвѣщены.

От поглянте вы на жида,
Як змаленька он учится,
Своей мовы, своей вѣры
Крѣпко, твердо все держится.

А загляньте в его шафу,
Там то книжок цо не мѣра,
А у нас то не в одного
Лишь в одну горѣлку вѣра.

Еврей в хайдер носит дѣтей,
Не боится он науки,
А мы шлем дѣтей до школы
Як на яки страшны муки.

Отож в том то вина наша,
И никто нам не поможе.
То-ж я кличу: с новым годом
До науки в имя Боже!

— — —

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОЛОШИНОВИЧ

Михаил Иванович Волошинович.

Еще один крестьянский поэт, о котором можно сказать всего несколько слов. Неизвестно, когда родился и умер. Известно только, что происходил из крестьян села Королика Сянокского уезда на Лемковской Руси, где закончил начальное училище.

В селе Королик известен был на продолжении 16-ти поколений род Волошиновичей, из которого происходили священнодействующие там душпастири. Но, как сказано в «проекте на знищенье Руси» (см. «Widok...»), сыновья священников принуждались к крепостному труду. Возможно, из среды таких закрепощенных поповичей происходит наш поэт М. И. Волошинович, уроженец села Королик, метрические записи которого подверглись уничтожению в первую мировую войну 1914 года.

Следует отметить, что в селе Королик была организована хорошо развивающаяся читальня им. Михаила Качковского с лавкой и молочным кооперативом в собственном благоустроенном доме, была основана из местной молодежи Русская пожарная дружина. Эти институции австро-немецкий режим уничтожил в первую мировую войну. После войны они были восстановлены, причем восстановленная читальня им. Мих. Качковского насчитывала 97 человек самых сознательных членов. Характерно также, что на III Карпаторусском Конгрессе в Нью-Йорке (1919-20 гг.) именем жителей Королика выступал уроженец Королика Афанасий Рамончак.

Из такой патриотической среды вышел наш поэт-крестья-

нин М. И. Волошинович, в стихотворениях которого отражены глубокие патриотические чувства любви к обездоленной «убожине» Руси и его вера в лучшее будущее Родины; слышатся в них также отзвуки тяжелых переживаний. Стихотворения М. И. Волошиновича печатались, главным образом, в изданиях Общества им. Михаила Качовского.

После первой мировой войны М. И. Волошинович испытал на своей спине батоги шляхетской разнузданности диктатора Пилсудского.

После второй мировой войны след о Михаиле Волошиновиче пропал совершенно, словно утонул в воде. Через село Королик передвигались австрийские и русские войска. Австрийские власти жестоко расправлялись с Русинами, чаявшими своего спасения со стороны родной России.

Литература: Шематизм Лемковщины. Львов, 1936; Бродович: «Widok przemesu...», ч. 2, Львов, 1862, стр. 100; «Наука», издание о-ва им. М. Качовского, ч. 4, Львов, 1931.

ДУМА СЕЛЯНИНА

Ходжу, броджу, убогую
Землю плугом краю,
Та вандрую мысленьками
От гаю до гаю.

Думаю и погоняю
Сивии конята,
Чудуюся, чому доля
У мене щербата.

Чом смѣется в мои очи,
Кепкуе над мною,
Чом тут наветь и при плузь
Не маю спокою.

Розбрелися мои думы
По широком свѣтъ,
Та злѣтают наче пчолы
И к матери дѣти.

Я их лихом приораю,
Най ростут травною,
Доки сердце отпочине
Тихо в супокою.

Може колись косар вийде
З острою косою,
Тай вспомяне: хтось посѣяв,
Поросло травою.

*
**

ЛЮБЛЮ ТЕБЕ

Люблю тебе, Русь святая,
Моя убожино,
Не в богатых павильонах,
А в сѣрой хатинѣ,
В сѣрачинѣ изодранной
В оцѣ зо слезою,
И тернистым твоим шляхом
Ходжу за тобою.

Ты берегла золотое
Серденько в неволѣ
И тихою молитвою
Прадѣдное поле
Обходила, научала
И сынов и доньки:
Вы одного батька дѣти,
Вы мои квѣтоньки.

Выростаите ж менѣ в мирѣ
Хоть бы в непогоду,
Окрыляйтесь, добывайте
Счастьє и свободу.
Знаю, знаю: добры дѣти
Мене приховають,
А отрутят лише ти,
Що сердца не мають.

Люблю тебе, моя мати,
Моя убожино,
Не в день твого добробыту,
А в лиху годину!
Понесу свой крест недоли
За плугом стопою,
Аж до сѣрой домовины
Пойду за тобою.

*
**

ЗА ЛЕМКОВИНУ

Свѣте мильй, Лемковино, горы мои, горы,
За вас душа молит Бога и сердце говорит.
Думу, скорбью овѣяну, шле у небо сине
За тих борцов, що полягли, вѣрных Лемковинѣ,
Що под треском пулемета и грохот арматы
Далеко от своих родных полягали спати.

Двигались ряды з Востока з пѣсней залихватской,
Умирала за свободу Руси Прикарпатской.
Умирала на Карпатах, хто то нынѣ знае?
Нихто, нихто не вспомяне, нихто не згадае.
Один Бескид з ними тиху проводит розмову,
Коли вихрем в ночь розбудит дремучу дуброву.

Их курганы весна крые зеленым килимом,
Бѣла пелена их крые цѣлѣсеньку зиму;
Накрывае, укладае до сну под мураву,
Их знамена, труды, дѣла, подвиги и славу.
Спите ж, сыны Днѣпра, Волги, Урала и Донца,
Аж доки не засѣяе на Карпатах солнце.

*

**

ВѢРЮ Я

Вѣрю я, прійде свобода
И простит брату обиды брат,
Минеся скоро сварня, невзгода,
Пробьесь луч солнца до сельских хат!

А там огрѣ хлопскіи дѣти,
Тѣлом змарнѣлы и слабы духом,
Повитых тьмою зверх шесть столѣтій,
До життя збудит одним лишь рухом.

Вѣрю, о вѣрю, як выйдут жницѣ
С серпами в поле пшеницю жати,
Соберут плоды Руси землицѣ
До ВОЛЬНОЙ, Одной хаты!

А може быти, що й я дождуся,
Коли при плузѣ еще сам
Затягну пѣсню з ВОЛЬНОЙ груди,
Орючи скибу сюды и там.

*

**

ТАМ НА ПРИСПІЇ

Там на приспі, под вербою
Молодчина грае,
Журбу-тугу из серденька
Свого выливае.

На що-ж тобѣ синеокий
Кучери так вьются?
Чому слова твоей пѣсни
На гармошцѣ рвуться?

Чому не втнешь з легка складно,
Як рыбка с водою,
Щоб пѣсенька, як рѣченька,
Всею широтою

Полилася, разлилася
У синее море,
И понесла з сердца туру
И лютое горе.

Я, будучи бы тобою,
Гарненько, легонько,
Я б здроботѣв по клавѣшах,
Аж грало б серденько!

Годѣ менѣ, брате, годѣ,
Друже мой единый,
Годѣ сердцю смѣятися
Сиротѣ под тыном.

В тебе хата на помостѣ,
А я — сиротою,
Тай не менѣ, товаришу,
Мѣритися с тобою.

Были в мене свѣтлы хвили,
Бодры и охочи,
Знало сердце, влюбилося
В чорнявыи очи...

Та не довго, теперь бѣється,
Як с вѣтром тополя,
Не дивуйся, що змарнѣла
Молодецка доля.

Гей, стану я попод гаем,
Тай махну рукою, —
Може менѣ обозвется
Эхо за горою!

— — —

**НЕСТОР ДИМИТРЬЕВИЧ
ЖИЛИЧ**
(Любомир Камянский)

Нестор Димитрьевич Жилич.

Родился 19-го мая 1914 г. в Камянной возле Криницы, р. Н. Санч, на Лемковской Руси. На четвертом году жизни умерла его мать. Отец женился второй раз. Мачеха относилась к мальчику недоброжелательно. Учился в училище родного села, затем в местечке Мушине на р. Попраде, учительский семинарь окончил в г. Самборе.

Нестор Жилич прошел тяжелый путь. С 9-ти лет зарабатывал на себя как пастушок у богатых хозяев в Кринице. Его бедность награждала чарующая природа Карпат и возбуждала в его сердце глубокие чувства. Смерть отца, арест при власти Пилсудского, захват Бескида гитлеровской армией усугубила его горе. Два года довелось ему томиться в застенках гестапо, куда бросила его украинская полиция, исполнявшая надзор над Русинами. В 1944 г. удалось ему бежать из тюрьмы в Сов. Союз, где он до сих пор трудится на поприще педагога.

Как народный стихотворец Нестор Жилич, под псевдонимом Любомира Камянского, подарил своей Родине два сборника лирики: *«Карпатскы думкы»* и *«Карпатскы смьховинкы»*. Поэма *«За Русь, волю и правду»* заключает в себе автобиографические отзвуки. Повесть *«Гайница»* и исторический очерк *«Никифор Дровняк»* несут отпечаток лемковского быта.

МОЯ ЛЮБА

Моя любя Лемковино,
Моя ясна зоре,
Чи я вас еще увиджу,
Мои милы горы?

Чи ты, мати, як бывало,
Блестишь в золотой чашѣ,
Як в горах колись гуляли
Мы и дѣды наши?

Чи так само цвѣтут цвѣты
В лугах над рѣчками,
Всѣми красками играют,
Стелятся коврами?

Чи так само свѣжий воздух
Ароматом пьянит,
А вода джерельна лѣком
Всѣм здоровье хранит?

Серед моря-океана
Трав и зел пахучих
Мы родились, выросали
У борах дремучих.

Там бы наша славна змѣна,
Хлопцы и дѣвчата,
Цвѣты рвали, вѣнки плели
Веселы лемчата.

Моя любя Лемковино,
Покрыта лѣсами,
Хотѣл бы я там спочити
В полянѣ с цвѣтами.

От где добре с прадѣдами
Было бы лежати,
А не по чужим краинам
Марно пропадати.

**

ЛЕМКОВИНА

Ярмом знедолена,
Закута в кайданы,
Кровію полита
И тернем звѣнчана.

Побита, обдерта,
Збурена, спалена,
Мечем и багнетом
В сердце поранена.

С очей течут слезы,
И душа рыдае:
Бѣдна Лемковина
Тоне, потопае.

Русью полишена
В чужом морѣ тоне,
И за сиротою
И дзвон не задзвоне.

*

**

МОГИЛА ПАРТИЗАНА

Под горою на полянѣ,
У самого краю
Группка партизанов. Смуток,
Молчат, не спѣвають.

Коли солнце западало,
До свѣжой могилы
Свого друга боевого
На вѣки зложили.

Будут орлы прилѣтати
На крест партизана,
Соловьи будут спѣвати
С вечера до рана.

Будут вѣтры повѣвати
С зеленой дубровы,
Будут сюди приносити
Вѣнки пастушкове.

Лем не прийдут на могилу
Ни няньо, ни мати,
Бо замучили за сына
Гестаповски каты.

*
**

ЛЕМКОВСКОЙ МАТЕРИ

Ани описати, ани розказати,
Сколько вытерпѣла лемковская мати.
Як мы Лемковину русску полишили,
Тебе, наша мати, обухом прибили.

Заморочена и зогнувши спину,
Жебрала, штоб дати дочцѣ або сыну,
По чужих дорогах ты ноги ранила,
Выпрошенным хлѣбом дѣточок кормила.

Ясными очима ты их огрѣвала,
В их молоде сердце бодрый дух вливала.
Пѣшком шла степами, спала под забором,
Зносила знуцанья с плачем и покором.

В темны, люты noci дѣток колысала,
С красной молодежи бабусею стала.
Голову покрывла сивизны пороша,
Все-ж ты, люба мамо, красива, хороша.

Хочь и высѣклися косоньки дѣвочи,
Ненаглядна мамо, ты повна урочи.
Што ты перенесла, словом не розскажешь,
Напевно в чужинѣ у могилу ляжешь.

*
**

СУСѢДУ

Ты повѣдашь, што нужденна,
Бѣдна Лемковина;
Она в мене найбогатша
На свѣтѣ краина.

Ты повѣдашь, што Бескиды —
Незначна частина,
А у мене есть и будут
Найбольша перлина.

Ты повѣдашь, што в Карпатах
Туман залягае,
А я кажу, што в них солнце
Найяснѣйше сяе.

Ты повѣдашь, што Русины
Быдло, а не люди.
Брешешь, пане! На твоему
Не стане, не буде!

*
**

ОБРАЗ ТЫЛИЧА

Як-сме из Тылича у свѣт выходили,
Образ свого села на память зробили:
На метер довжины, на метер широкий,
Цѣле село, дальше Карпаты высоки.
В ладу положили образ с иконами
И крѣпко замкнули крѣпкими замками.

Довго с того часу прийшлося блукати,
Всякы бѣды, нужды в житю повстрѣчати.
Мы с мѣсця на мѣсце все переходили,
Всяды за своими горами тужили.
Там деси далеко зостали Карпаты
И душа за ними стала банувати.

На одной станціи мы вшитки сидѣли,
На поѣзд чекали, главы похилили.
О, тоту недѣлю ніяк не забуду,
Запам'ятам крѣпко, докля жити буду.
Десь под самыи вечер наша добра мати
В ладѣ с иконами стала штось глядати.

Як образ Тылича она увидѣла,
Слезамы залилась, впала и зомлѣла.
Няньо поспѣшили, маму очутили,
Але тут и сами образ увидѣли.
Глянули на Тылич, в очах почорнѣло,
За сердце стиснуло, слеза заблестѣла.

И наш старьй няньо, што ходив свѣтами,
Николи не плакал дробньми слезами.
За хвилю дѣточки няньов обступили,
На цѣлу станцію гуртом заревѣли.
Долго вся родина на Тылич смотрѣла,
Тут и зрозумѣла, што она стратила.

Бо гнеска блудиме и образ носиме,
Хочь кус легше стане, як его видиме.
Як отцове мерли, нам наказували,
Штобы мы тот образ вѣчно пильнували,
Штобы мы тот образ до дому принесли,
Штобы с ним Карпаты для Руси воскресли.

*
**

ФЛОРИНКА

Як распалась Австрія, Габсбурги пропали,
Вольно народы зотхнули, кайданы упали.
Угры, чехи и поляки склали свою владу,
А Русины до Флоринки скликали нараду.
То народне было вѣче з цѣлой Верховины,
И выбрало «Русску Раду», уряд Лемковины.
Свѣтла радость звеселила Бескиды-Карпаты.
Уж николи не вернутся талергофски каты.

Встал народ, якого враги прирекли до смерти,
Встал за волю и свободу, хочь бѣдньй, обдертьй.
Повстал народ, што вѣками под ярмом гнул шию:
Мы свободны, мы Русины пойдём под Россию.
Громом Бескид облетѣла та радость велика:
Чи чуєте, добры люди, своя республика?
Ярослав Качмарчик, Хиляк, Громосяк с Крыницы
Закликают: за честь встати родимой землицы.

Край знищеньй, кругом всяды могилы и гробы,
Всяды смуток, всяды нужда, голод, бруд, хоробы.
Край знедоленьй вѣками розорвал кайданы.
Як же было не радѣти? Свобода настане!
В наши хижы загостила воля вымрїана.
Не дивуйтесь, што у лемков лица заплаканы.
И с радости вшитки вины ворогам прощали,
В згодѣ, мирѣ с сусѣдами жити намѣряли.

Та коротко сонце грѣло, свѣтило в Карпатах.
Не гостила довго воля в лемковских загатах.
Легионы Пилсудского край поневолили,
Горьше ярмо, як австрійске, на лемков вложили.
Никому было помочи, за лемками стати,
И панове «Руску Раду» кинули за граты.
И жандармы задусили лемковску державу
И вывезли патриотов на судову лаву.
Все ж Флоринка не загине в памяти народа,
Чи то раньше, чи познѣйше блисне нам свобода.

**

С Я Н

С заходу фашистски орды
На всход наступають,
Топчут Чехо-Словакию,
Польшу забирають.

На выручку своим братьям
Москва поспѣшила,
Заходно-русски области
С ярма вызволила.

И прийшла жадана воля,
Русь одна-едина,
Нѣт пана капиталиста,
Весела людина.

Лем не вшитки радувались,
Волю зустрѣчали,
Не всѣ русски земли к Руси
Вольными припали.

Не понятно: чому, за што
Русски дипломаты
Одвѣчному ворогови
Лишили Карпаты.

Сян с Сянока не глубоким
Руслом протѣкае,
В Перемьшлѣ уж на силѣ
Значно прибирае.

Срѣбный Сяне, окаянный,
Волѣл бысь пропасти,
Як мал еси меж русскими
Границу покласти.

Та граница не природна
И несправедлива,
Бо от русских русских лемков
Она отдѣлила.

Люты гады без пощады
Русь всю задушили
И сами в русски Бескиды
Гнет позалазили.

*

**

СЛАВЯНАМ

Чи ты сербин, чи болгарин,
Чи ты русский, чи поляк,
Чи хорват, чи лужичанин,
Чи ти чех, чи ты словак —
Все одно! Долонь до згоды
Другови друг протяни
И могучий гимн свободы
Повной грудью затяни!

Стара правда: все будуе
Згода силу, славу, честь,
А незгода все руйнуе,
Несе злыдни, войны, месть.
Проста истина говорит,
Што николи супостат
Храбрых славян не поборе,
Як брат брату буде рад.

Не слѣд днесь славянам споры заводити,
Бо вороги здавна хотят их розбити.
Роздѣляй и властвуй! така их работа,
Така вовча вдача, така их забота.
Хотят посварити славянску родину,
Штоб скорше загарбать на все их краину.

Та дарма! Славяне вшитки
Гнески знают добре все,
Кто ярмо, несчастья, пытки,
Кто свободу им несе.
Будьме разом! Жийме в мирѣ
Дѣти матери одной,
Будьме дружны, будьме щиры
В сильной Славии родной.

*
**

НАРОДНЫЙ КЕРМЕШ

Сидит лемко под смереком
Та думу думе:
Чого он такой несчастный,
Чом доли не мае?

Вышмарила его доля
С зеленых Бескидов,
Вышмарила з его земли
Дѣдов и прадѣдов.

Ой, ты доле несчастлива,
Чогось так зробила,
Чогось лемков с родной земли
В чужину шмарила?

Чим же они провинились,
Ты судьбо несчастна,
Чи свою мать не любили,
Чи она не красна?

Гнетли лемков столѣтьями,
Чужи панували.
Лемки на Восток споглядали,
На волю чекали.

Сколько горя, слез несчастья
Они вытерпѣли,
Як над ними знущалися,
Мордували, били.

Мордували в Талергофѣ,
В Березѣ Каргузской,
Мордували в Освенцимѣ
На улицѣ узкой.

Ой, ты мати, наша мати,
Што ты учинила?
Своих сынов, своих дочок
От себе шмарила.

Пошли Русины с Бескидов
На чужу краину,
Взяли лем розбите сердце,
Латану торбину.

В тото лемко не повѣрит,
То не може быти,
Штобы его родна мати
Могла позабыти.

Настане в Бескидах кермеш
На цѣлы Карпаты,
Коли лемки повернутся
До батьковской хаты.

Як зойдутся братья-лемки
На кермеш народный,
То поднимут повный келих
За свой край свободный.

Прийдут гев зза океана,
Будут с Пряшевицины,
Из-над Одры, из-над Ниссы,
Прийдут с Украины.

На народном том кермешу
Всѣх их приголубит
Руска мати, бо она их
Горячо всѣх любит.

— — —

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ПРИПЛЕСЬ-ДЫЧКЕВИЧ

Екатерина Ивановна
Приплесь-Дычкевич.

Родилась 1898 года в м. Глиняны Золочевского уезда, где окончила 7 классов нормальной школы. Семья её принадлежала к кругу наиболее просвещенных мещан. Брат её был священником.

Девочкой уехала Катруся в Америку, где работала в разных предприятиях и пополняла свое образование. Вышла замуж за патриота Русина Дычкевича.

У Екатерины Ивановны душа насквозь поэтическая. Она замечательный чтец и декламатор, и большую услугу оказала своим землякам в США изданием сборника русских бытовых и патриотических стихотворений п. з. «Катруся». Сама она знает их много наизуст и помнит их напевы с детских лет.

Трогательные декламации Екатерины Дычкевич посвящены памяти просветителя Галицкой Руси, о. Иоанна Наумовича, в честь мучеников Талергофской трагедии при открытии памятника на кладбище «РОВА», при посещении львовского памятника: «Жертвам Талергофа — Галицкая Русь».

Глубоким патриотическим чувством отличаются собственные стихотворения Екатерины Дычкевич в честь карпатских культурных деятелей.

Литература: «Правда», Филадельфия, 1963, №№ 42-44. «Карпатская Русь», Юнкерс, 1968.

НАРОДНОМУ ДЕЯТЕЛЮ

(В. П. Гладуку.)

За вашу працю, ваши труды,
На благо Руси и Карпат,
Приймите чувства щирої груди,
Учитель наш, сердечный брат!

Най счастье с вами вѣрным кроком
Крокуе и вперед веде,
И най спокойно рок за роком
Без горя и тревог плыве!

Най нива вам богаты плоды
Сторицею вознаградит,
Не знайте смутку злої пригоды,
И пусть вас Бог благословит!

От сердца щирого бажаю
Здоровья, многих благих лѣт,
Най николи не забывае
Вас Руси невянуций цвѣт.

*

**

ЗАКЛИК

Долго, долго, братья, сестры,
Всѣ мы сном мертвецким спали
В час, коли други народы
Свое поле обрабляли.

Так столѣтья проходили,
Спали мы, рабы лѣнны,
А сусѣд наш, лютый ворог,
Як гад, лѣз на наши нивы.

Спали мы, а гад упертый,
Пажерлив, ненасытимый,
Захопил отцов наслѣдство,
И мы стали убогими.

Русь, однако, не загибла.
Нараз до життя нового
Высша сила Русь збудила,
И ось, залунало слово:

Поднимайся, русский роде,
Бодро до труда, до дѣла,
Бери волы, ори поле,
Вперед, иди вперед смѣло.

Бо не узке поле русске,
Нас не мало, миллионы!
Дружно всё с зерном здоровым
В необроблены загоны!

Най пшеница золотая
Поперек и вздовж их крые,
Най рокоче русска слава
От Горлиц до Коломьги!

**

ДОБРОДѢЮ-ПАТРИОТУ
(В. М. Бродѣ.)

Для вас щира есть утѣха
О Русь нашу дбати,
То ж належится вам братску
Вдячность оказати.

Так позвольте, що тут нынѣ,
Ставши перед вами,
Ту сердечну нашу вдячность
Выскажем словами:

Най за ваши добродѣйства,
Що для Руси вы зробили,
Щедро Господь нагородит
В каждой житѣ хвили!

Жийте в счастью и здоровью
Лѣт безжурно много;
Мирно, тихо и спокойно
Серед добра всёго.

Щобы вам не бракло силы,
Воли и охоты
До дальшой в кристь бѣдных
Русинов роботы.

Щобы ваши честны дѣла
И потомки знали
И вас також, як мы нынѣ,
Всегда споминали.

**

ПОД ТАЛЕРГОФСКИМ КРЕСТОМ
(В Пушкинском паркѣ.)

Бѣднѣй, страдальнѣй русский народе,
Згадай на той злопамятнѣй час,
Як Русь, несчастна наша мати,
Роняла слезы, страдаючи за нас.

Як дѣтей Руси каты без пощады
В Талергоф гнали цѣлими толпами,
Кричали, ревѣли, в них камни кидали
За то лишь, що звались они Русинами.

Ушли на чужбину русские братья,
На русской Голгофѣ жертву положили,
За русскую славу, за волю народа,
За вѣру народа житье посвятили.

Они не лякались ни муки, ни смерти,
И русской вѣрѣ не измѣнили
И с русским сердцем, с любовью до Руси
Лягли до общей сырой могилы.

Честь им и слава за то, що Русь любили,
Для Руси жили, для Руси трудились,
За Русь страдали и кровью стекали,
Для славы Руси вѣнец сплѣтали.

Никто на чужбинѣ про них не згадае
За их горячу до Руси любовь,
Лишь тихий вѣтер та сосны дремучи
Шепчут, як лилася русская кровь.

Тому то мы нынѣ их споминаем,
В их память поставили крест.
Глубокий поклон им посылаем
И отдаем им належную честь.

Мир вашим прахам, талергофски страдальцы,
За вашу вѣрну до Руси любовь,
Най ваше имя исторія зберѣгае
На вѣчнѣй вѣки вѣков!

— — —

**ИВАН ЮРЬЕВИЧ
РУСЕНКО
(1890 - 1960)**

Иван Юрьевич Русенко.

И. Ю. Русенко родился в 1890 году в селе Коростенка, Короснянского уезда, на Лемковщине, в семье сельского рабочего.

Иван Русенко отлично учился в новосандецкой Русской Бурсе. Уже здесь он выделялся своими способностями в учёбе и в внешкольной самодеятельности. У него выходили замечательные зарисовки с натуры, без всякой подготовки он стал отличным карикатуристом.

После окончания гимназии в 1921 году, И. Русенко был призван на военную службу, а в начале первой мировой войны был отправлен в Сараево, в Боснию, затем на фронт (сербский и итальянский).

После войны у И. Русенко не оказалось возможности продолжать образование в высшем учебном заведении, не было средств для этого. Поэтому он поступил на службу в качестве учителя начальных школ. При этом следует отметить, что польские школьные власти назначили И. Русенко учителем не в русское, но в польское село Лютча, Короснянского уезда, где он действовал с 1924 по 1945 год.

В 1946 году И. Ю. Русенко переселился с семьёй в Россию, в Тернопольскую область, где в селе Короливка продолжал свою деятельность учителя и где и скончался в 1960 году.

И. Ю. Русенко оставил нам замечательные зарисовки с натуры, «стародавны лемковскы типы», такие, как: «бланарь», «дротарь», «дзяд», «мазьярь», «олъярь», «дехтярь», «мѣтляре», «корчмарь», «газда», «газдыня в недѣлю», «фраир и фраирка»,

«ворожка», «начальник школы», «лемковскы политики: Штефан Варянка, Осиф Киселица и Матвѣй Чир» и др.

И. Ю. Русенко с юных лет увлекался устным народным творчеством, собирал песни и пословицы. Под влиянием народных песен он начал сочинять стихотворения, стал народным поэтом Лемковщины, стихотворения которого расбросаны по разным изданиям Лемко-Союза. Полное собрание стихотворений И. Ю. Русенко составило бы приличную книгу.

В стихотворениях И. Ю. Русенко отражается незавидное социальное и культурное положение русского населения, спокон веков живущего на Лемковщине.

Литература: Календари Лемко-Союза 60-ых годов.

НАША ЛЕМКОВЩИНА

Наши дѣды и прадѣды
Засвоили нам Карпаты,
Вытычили полонины,
Построили властны хаты.

Землю-матку заорали,
Каменисту, плану ролю,
Же так гардѣ выглядала,
Як чернозем на Подолю.

Але у нас долга зима,
Весна поздна, зимный климат,
То пшениця ся не вродит,
Бо морозу не вытримат.

Зато овса и картопли
(Ту их зовут «бараболи»)
На адзимку, киселицю —
Люде мали все доволи.

Замножили овцы, козы,
Звыгчайно и грубший статок,
Змайстрували плуги, возы
И створили сой достаток.

Годували и пацята,
Кроли, качки, куры, гуси,
Тай зажили своим житьем
На своей Лемковской Руси.

Наши предки тверды люде,
Руснаками ся назвали
И звычайно русски назвы
Своим селам надавали.

Устьє Русске, Русска Воля,
Русска, реку, Яблониця,
И Дубровка и Свѣржова,
Та и Русская Ропиця.

Розмѣстили свои села
Меж лѣсами и борами,
Внизу хаты окружены
Зелеными кичерами.

Який лѣс выкорчували,
Так и село называли,
Смерековец, Граб, Лѣщины,
Берест, Дубне, Вильшня, Ялин.

Наши дѣды и прадѣды
Вмѣли собѣ раду дати,
Властным умом и розумом
Засвоили сой Карпаты.

Заселили Лемковщину
И культуру в ней створили —
Застали ту лем цѣлину,
А добробыт нам лишили.

*

**

ЛЕМКИ

МЫ БѢДНЫІ уж з дѣда-прадѣда,
То будме-же духом богаты,
А чести не дайме здоптати,
А вѣры не зламе нам бѣда.

МЫ СЛАБЫІ — як гача до плуга,
То разом бермесея до дѣла;
В громадѣ — найдесея и сила,
Лем треба спомочи друг-друга.

МЫ МЯГКЫІ, нам гварят, як глина:
Гартуймесея — значит — на груду,
У огнѣ науки и труду,
Постужат гнет наша Родина.

МЫ ТЕМНЫ, так гварят «не-лемки»:
Нам треба кус веце освѣты,
А солнце и для нас засвѣтит,
Не блудме все вколо потемки.

НАС МАЛО — то в Союз-громаду
Вступаиме и смотме докола
Быстрыми очами сокола,
Кто з нами враз иде, кто ззаду.

МЫ САМИ, а наши недруги
Знищити нас хотят насильно.
Ставайме, бороньмесья спильно
Напротив ворожой потуги!

*
**

НАРОД ВОСКРЕС

На Лемковинѣ, в старом краю
Шумят смереки и ялицы —
Побѣдну пѣсню они грают
От Ужгорода до Шавниці:
Бо и в Карпатах днес
Народ воскрес!

И гремит хор Карпатских гор,
В далеку даль — гет плыне —
В Карпатах днес народ воскрес
И право его не згине.

Могучий хор Карпатских гор
Най вѣтер несе во всѣ страны —
Най приде час — най уж и в нас
Здоптана правда встане!

На Лемковинѣ и Талергофѣ
Невинна кровь пролята —
Най в наших сердцах на все остане
Памятка — вѣчна и свята!

*
**

ТЕПЕРЬ НА ЛЕМКОВЦИНЪ

А теперь смутно там, в Карпатах,
Нигде не звонит в церквах звон,
Не видно там нашего брата
— ани в Вьсовѣ,
— ани в Лабовѣ,
Вшитки вон!

Лемковской не чути бесѣды,
Затихли гѣсни серед гор,
Лем духи дѣдов-пра-прадѣдов
блукают сами
межи горами
С бору в бор.

Гей, наши лемки в Кошалинѣ,
В Зеленой Горѣ плечи гнут,
А в родной нашой Лемковцинѣ
репатрианты
и оккупанты
Всюди сут.

Гей, бѣдны лемки выселены,
От Одры — Нисы по Дон-Бас,
А села, поля залишены
опустошали,
позарастали
Терньом зас.

20. III. 1959 г.

*
**

МОЯ ОТЧИЗНА *

Моя отчизна — Лемковщина:
Зараз за Сяном, як за плотом.
За десят годин ѣду «треном»,
А лем годину самольотом.

Моя отчизна, родне село —
То Коростенка под Кичаром:
Не барз далеко — може буде
Да-с осем годин авто-каром.

* Последнее стихотворение И. Ю. Русенка.

Отчизна моя в Подкарпатью,
Где мѣсто Кросно, область Ряшев,
Есть там халупа, сад и поле,
Лем в чужих руках, уж не наше.

Отчизна моя така близка,
За тыждень часу зайду пѣше,
Лем мя не пустят без паспорту,
Бо ник мѣ вызов не напише.

Не мам до кого ся звернути,
Хоц там zostало люди дуже,
Не мам там сестры ани брата,
Лем вшитки люде для мя чужи.

Кед бы я мал, люде добры,
Шапку-невидимку,
Поѣхал бы-м зараз до них
Хоц лем на хвилинку.

Посмотрѣти на халупу,
На тот берег, на ту воду,
На то село, где-м ся родил
И где-м играл замолоду.

Посмотрѣл бы-м на Кичару,
На Порубу, на Чешлины,
Сердце бы ся радувало
На вид родной Лемковщины.

Мила отчизна — недалеко,
Зараз за Сяном, як за плотом,
Лем мя не пустят без паспорту,
Загородили браму дротом.

Загородили вшитки стежки
Колючим густым дротом,
А на проходах vsюди стоят
Пограничники с кулемьотом.

— — —

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти русского патриота д-ра В. Р. Ваврика,
скончавшегося 5 июля 1970 года во Львове.

Вже замолкло тое сердце, що так Русь любило,
Що для неї свое счастья и жизнь посвятило,
Що для неї в Талергофа бараках страдало,
Но в страданиях счастливе, бо русским ся звало.

Вже замолкла тая рука, що несла кайданы,
Кровь с которой вытискали нѣмецки тираны,
И тѣ очи, що так лучшей доли выглядали,
Вже замкнулися на вѣки, хоть и ей дождались.

Пострадал ты, Василь Ваврик, и мы тое знаем,
Перед твоим богатyrством голову склоняем,
На могилу твою будем часто приходитьи,
Доки силы не забракне, щобы освѣжити.

Ты, неутомимый, будешь примѣром служитьи
И всѣ будем Русь святую так, як ты, любитьи.
Так, як ты, готовы будем для неї страдати,
Еи волю мы готовы кровью исполнити.

Труды твои, що ты писал, щоб нас просвѣтити,
Всегда будут в наших сердцах, в душах наших жити,
Святы твои заповѣди дѣтям перекажем
И с историею краю имя твое свяжем.

И николи не забудем нашего Василя,
Твоя слава вѣчно жива, не дождесь могилы,
Тѣшимся, що твое тѣло ся дождало,
Що на русской, не нѣмецкой, землицѣ спочило.

Що могилу твою русска слеза оросила,
Що галицкая родна лента твой гроб обвила,
А жалѣем тяжко того, що тебе не стало,
Бо ще много твое перо до роботы мало.

Ще бы много твоих бесѣд нам треба читати,
Щоб твоим панциром наши души оковати.
Подивися, любый Василь, на нас из могилы,
Вщепи в сердца наши только, як и ты мал силы.

Опѣкуйся нами дальше и Руси судьбою,
Щоб здавалось, що мы дальше страдаем с тобою.
Жаль, що ты так скоро мусил нас осиротити,
За тобою вся Русь плаче, як за батьком дѣти.

Екатерина Дычкевич.

ПРИМЕЧАНИЕ

Настоящая книга «Крестьяне-поэты» издана за счет пожертвований друзей, учеников и поклонников В. Р. Ваврика заботами д-ра И. С. Шлепецкого в честь Василия Романовича, его светлой памяти, скромный венок на его могилу в знак благодарности за его патриотические чувства горячей любви к родным Карпатам и обильные труды по всевозможным отраслям науки исторической Карпатской Руси, и в пользу и назидание грядущим поколениям. Благодаря заботам Д. И. Сысака в фонд издания книги «Крестьяне-поэты» пожертвовали:

Даниил и Анастасия Сысак	100.00	долл.
Михаил и Екатерина Дыгчевич	100.00	»
Марк Гаврилук	100.00	»
Иван Гальчак	50.00	»
Александр Никитин	50.00	»
Митроф. прот. Андрей С. Шлепецкий	50.00	»
Прот. Григорий Штефчак	50.00	»
Нестор И. Борух (в память своего отца)	25.00	»
Прот. Иоанн Гавриляк	25.00	»
Николай Дыгчевич	25.00	»
Иван Кузык	25.00	»
Прот. Иоанн Луцьшин	25.00	»
Алексей В. Малюга	25.00	»
Василий Наконечный	25.00	»
Прот. Лука Ольховой	25.00	»
Симеон Опока	25.00	»
Степан Перчук	25.00	»
Василий А. Сенюк	25.00	»
Михаил Микуляк	15.00	»
Димитрий Бурак	10.00	»
Степан М. Кичура	10.00	»
Василий Лешко	10.00	»
Андрей Ляховин	10.00	»
Даниил Горбацевич	5.00	»
Иван Куча	5.00	»
Даниил Кошанский	5.00	»
Степан Кошанский	5.00	»
Георгий Москва	5.00	»
Михаил Федоричка	5.00	»
Георгий Ф. Сабов	3.00	»
Федор Докля	2.00	»

Статья «Михаил Иванович Волошинович» дополнена историческими данными по материалам Р. Д. Мировича. Статья об Иване Юрьевиче Русенко, составленная И. С. Шлепецким, была дополнительно включена редакцией.

— — —

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аристов, Ф. Ф.: 9, 24.
- Вадени, граф: 12.
 Балюта, М. Я. 46.
 Варабаш, Ф.: 24.
 Велоус, Федор: 11, 24.
 Вендасюк, С. Ю.: 9, 11.
 Блаженко, В. П.: 35.
 Ворух, Н. И.: 80.
 Врода, В. М.: 71.
 Бродович: 55.
 Бурак, Димитрий: 80.
- Ваврик, В. Р.: 7, 9, 36, 45, 79.
 Вагилевич, И. Н.: 8.
 Вергун, Д. Н.: 11.
 Вишенский, Иоанн: 11.
 Волошинович, М. И.: 54, 81.
 Выдрак, адвокат: 35.
- Гаврилюк, Афанасий: 51.
 Гаврилюк, Марк: 80.
 Гавриляк, Иоанн: 80.
 Гальчак, Иван: 80.
 Гардый, П. С.: 8.
 Гецев, О. О.: 35.
 Гладик, В. П.: 70.
 Глебовицкий, Н. П.: 9.
 Глушкевич, М. Ф.: 9.
 Гоголь, Н. В.: 8.
 Головацкий, Я. Ф.: 8, 9.
 Горбацевич, Даниил: 80.
 Грабарь, И. Э.: 9.
 Громосяк, Николай: 64.
 Гудима, И. Ф.: 8.
 Гушалевич, И. Н.: 11, 24.
- Даниил Романович, кн.: 11.
 Дедицкий, В. А.: 9, 24.
 Диаковский, Кирилл: 35.
 Добрянский, А. И.: 24.
 Докля, Федор: 80.
 Дровняк, Никифор: 59.
 Дычкевич, Михаил: 69, 80.
 Дычкевич, Николай: 80.
- Жилич, Н. Д. (Любомир Камянский): 59.
- Залозецкий, В. Д.: 11.
 Залозецкий, Д. В.: 9.
 Зубрицкий, Д. И.: 8, 11.
- Ивануса, М. И.: 35.
- Казимир, польский король: 12.
 Карабелеш, А. В.: 9.
 Качковский, М. А.: 13, 24, 29, 35, 46, 47, 54.
- Качмарчик, Ярослав: 64.
 Кичура, С. М.: 80.
 Короленко, В. Г.: 36.
 Кошанский, Даниил: 80.
 Кошанский, Степан: 80.
 Куземский, Михаил: 24.
 Кузык, Иван: 80.
 Куча, Иван: 80.
- Левицкий, И. Е.: 13, 18.
 Лешко, Василий: 80.
 Луцьк, И. Я.: 36.
 Луцьшин, Иоанн: 80.
 Ляховин, Андрей: 80.
- Малец, Г. С.: 9.
 Малиновский, М. И.: 24.
 Малюга, А. В.: 80.
 Марков, Д. А.: 9, 11.
 Марков, О. А.: 51.
 Марущак, В. Ф.: 8.
 Микуляк, Михаил: 80.
 Мирович, Р. Д.: 9, 81.
 Митуса, певец: 11.
 Могильницкий, В. О.: 35.
 Москва, Георгий: 80.
 Мышковский, Т. И.: 9.
- Наконечный, Василий: 80.
 Наумович, И. Г.: 9, 11, 23, 24, 36, 69.
 Некрасов, Н. А.: 23.
 Несторович, Михаил: 46.
 Никитин, Александр: 80.
- Ольховой, Лука: 80.
 Опока, Симеон: 80.
 Осмомысл, Я. В.: 11.
- Пасечинский, И. Р. (Сидор Бойко): 17.
 Пасечинский, Роман: 17.
 Перчук, Степан: 80.
 Петрушевич, А. С.: 9.
 Пилсудский, Юзеф: 55, 59, 65.
 Площанский, И.: 24.
 Припесь-Дычкевич, Е.И.: 69, 79, 80.
 Процьк, И. И. (Иван Кум): 23, 35.
 Пушкин, А. С.: 8, 72.
- Рамончак, Афанасий: 54.
 Русенко, И. Ю.: 73, 81.
- Сабов, Г. Ф.: 80.
 Свистун, Ф. И.: 11.
 Сенюк, В. А.: 80.
 Сысак Анастасия: 80.
 Сысак, Д. И.: 35, 80.
 Сысак, С. И.: 35.

Тернопольский, И. В.: 46.
Третьяк, Д. Г.: 12.

Федоричка, И. Ф.: 29, 35.
Федоричка, Михаил: 80.
Федоров, Иван: 9.
Францев, В. А.: 9.

Хиляк, В. И.: 11, 64.

Хмельницкий, Богдан: 24.

Шараневич, И. И.: 8, 9.
Шашкевич, М. С.: 8.
Шлепецкий, А. С.: 9, 80.
Шлепецкий, И. С.: 9, 80, 81.
Штефчак, Григорий: 80.

Яхимович, Григорий: 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Р. Д. Мирович: Предисловие	7
Введение	11
Димитрий Гаврилович Третьяк	12
Русь — моя мати	13
Наша доля	13
Любовь и наука	15
Русином звуся	15
Все вперед	16
Исидор Романович Пасечинский	17
Наша доля близь	18
За Русь	19
Гей, хто Русин	19
Думка	20
Читальня	21
Русь	22
Иван Ильич Процьк	23
Курган	24
Русь едина	25
Сян — наша граница	25
Зазулька	26
Час вставати	27
Честь	27
Иван Федоров Федоричка	29
Наша нива	30
Талергоф	31
Колись а нынѣ	32
Любовь	33
Свѣте, ты наш свѣте!	33
Даниил Ильич Сысак	35
Вѣрный сын с. Джурина	37
Моей женѣ	38
Печальная панихида	39
Награда	39
Моему ровеснику	40
В больницѣ	44
Иван Васильевич Тернопольский	46
Война	47
Мати	48
Моя палата	48
Поворот з Талергофа	49
Плач Руси	49
Роковины	50
Афанасий Гаврилук	51
Судьба хлѣбороба	51
Орач	52
До свѣтла	53
Михаил Иванович Волошинович	54
Дума селянина	55
Люблю тебе	56
За Лемковину	57
Вѣрю я	57
Там на приспѣ	58
Нестор Димитрьевич Жилич (Любомир Камянский)	59
Моя люба	60
Лемковина	61
Могила партизана	61
Лемковской матери	62

Сусьду	62
Образ Тылича	63
Флоринка	64
Сян	65
Славянам	66
Народный кермеш	67
Екатерина Ивановна Приплесь-Дычкевич	69
Народному деятелю	70
Заклик	70
Добродѣю-патриоту	71
Под талергофским крестом	72
Иван Юрьевич Русенко	73
Наша Лемковщина	74
Лемки	75
Народ воскрес	76
Теперь на Лемковщинѣ	77
Моя отчизна	77
Е. И. Дычкевич: Посвящается памяти д-ра В. Р. Ваврика	79
Примечание	80
Алфавитный указатель имен	82
Оглавление	84

A. ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 - 3000 Louvain
☎ 016/360.01 - Belgium

